

БИБЛИОТЕКА РАЗВЕДЧИКА

ДОПРОС ВОЕННОПЛЕННЫХ

www.VRAZVEDKA.ru

2003 г.

В сборнике обобщен опыт частей и соединений Советской Армии по методике допроса военнопленных, накопленный за годы Великой Отечественной войны, а также определены функциональные обязанности военных переводчиков полка, дивизии, корпуса и следственной части аппарата начальника разведки армии.

Материал подготовил к печати генерал-майор Сурин С. И.

Ответственный редактор генерал армии
Захаров М.В.

ВВЕДЕНИЕ

Многочисленные примеры из военной истории показывают, что допрос пленных и перебежчиков во время войны является одним из важнейших источников добывания сведений о противнике.

В ходе Великой Отечественной войны, в связи с общим развитием техники, войсковая разведка обогатилась новыми, в прошлом неизвестными или ограниченно применявшимися средствами разведки: аэрофотосъемкой с больших высот и перспективной съемкой с бреющего полета, визуальным наблюдением с самолетов, многообразными средствами артиллерийской инструментальной разведки, радиоразведкой, радиолокацией и др. Однако перечисленные средства разведки не умаляли, а, наоборот, повышали значение допроса пленных и перебежчиков, как одного из важнейших источников получения разведывательных сведений.

Самый факт захвата пленных, принадлежащих к той или иной части противника, как правило, свидетельствовал о наличии этой части в данном районе.

В ходе Великой Отечественной войны как захватом пленных различных частей, дивизий, так и посредством допроса их на всех фронтах Советской Армии ежедневно подтверждалось и проверялось от сорока до шестидесяти номеров дивизий; это давало возможность в течение трех-четырех дней перепроверить всю группировку немецко-фашистских войск, находившихся на фронте непосредственно в первом эшелоне.

На основании показаний пленных, при умелом ведении допроса и тщательном изучении документов, отобранных у них, а также других материалов наши разведчики имели возможность судить о силе, составе, группировке, боеготовности и намерениях противника, о его укреплениях, системе огня, вооружении и политико-моральном состоянии. Все эти сведения облегчали командованию общую ориентировку, помогали произвести наиболее правильную оценку силам противника и принять наиболее целесообразное решение.

В ряде случаев показания пленных содержали очень важные сведения, имевшие решающее значение для подготовки и проведения крупнейших операций Советской Армии. Так, в июне 1943 г. пленный немецкий офицер, захваченный в глубоком тылу противника и перебросенный затем через линию фронта, дал показания о сосредоточении крупных сил немцев в районе Орла с целью наступления на Курск, а также сообщил о дальнейших намерениях немецкого главного командования в связи с подготовкой к летнему наступлению 1943 г. Эти показания в сочетании с другими данными, имевшимися в распоряжении командования Советской Армии, позволили разгадать замыслы немцев относительно наступления на Курск и их планы дальнейшего ведения летней кампании 1943 г. За день до наступления немцев на Курск были захвачены немецкие саперы-разведчики, разведывавшие наши минные поля. Ночью, накануне начала наступления, другие захваченные в плен немцы на допросе подтвердили показания саперов-разведчиков о времени начала артиллерийской подготовки.

По поводу провала немецкого наступления на Курск командир 19-й немецкой танковой дивизии генерал-лейтенант Шмидт в своем дневнике писал: «Русские были полностью осведомлены о подготовке нашего наступления, вплоть до того, что знали о перенесении начала нашей артиллерийской подготовки на 10 минут позже. В результате этого в момент, когда наши части сосредоточились на исходных по-

зициях (за несколько минут до нашей артиллерийской подготовки), русские открыли по ним ураганный артиллерийско-минометный огонь, который сразу же нарушил все наши планы».

В ходе Великой Отечественной войны захвату пленных и их допросу придавал большое значение товарищ Сталин. Им был отдан приказ о создании при разведывательных отделах штабов армий и фронтов следственных частей. На них возлагались основные функции по организации и проведению допроса пленных и перебежчиков в штабах армий и фронтов, руководство переводчиками штабов корпусов, дивизий и полков по допросу пленных и помощь переводчикам в их работе.

Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. допрос пленных, как правило, производили офицеры-разведчики. Однако в ряде частей и соединений обстановка заставляла поручать ведение допроса пленным полковым, дивизионным и корпусным переводчикам. В тех случаях, когда переводчик был подготовлен в военном отношении и обладал необходимыми для ведения допроса знаниями и способностями, допрос пленных осуществлялся грамотно, целеустремленно и приносил огромную пользу командованию.

Как показал опыт Великой Отечественной войны, функции военных переводчиков следующие.

Военного переводчика полка:

— участвовать при допросе пленных, перебежчиков и всех подозрительных лиц, задержанных в районе расположения или действий полка, а также при опросе местных жителей;

— вести протоколы допроса;

— вести учет трофейных документов; после беглого просмотра всех захваченных документов, собранных на поле боя (солдатских книжек убитых, боевых распоряжений, приказов, директив, схем и карт, писем, газет и т. п.); и записи нужных сведений немедленно направлять в штаб дивизии;

— докладывать начальнику разведки полка новые сведения о противнике, поступившие в его отсутствие;

— с разрешения начальника разведки полка направлять допрошенных лиц вместе с отобранными у них документами на которые должна быть составлена опись) начальнику разведки дивизии в сроки, установленные последним;

— выполнять отдельные задания по поручению начальника разведки полка.

Кроме выполнения своих основных обязанностей, переводчик помогает начальнику разведки полка в сборе, получении и обработке разведывательных сведений о противнике и в передаче информации командирам подразделений.

Военного переводчика дивизии (корпуса):

— участвовать при допросе пленных, перебежчиков и всех подозрительных лиц, задержанных в полосе действий дивизии;

— просматривать все трофейные документы, записывать необходимые сведения и переводить те документы, которые оставлены с разрешения высшего штаба;

— вести учет захваченных пленных и документов, вести протоколы допроса;

— организовать отправку военнопленных и документов;

— выполнять поручения начальника разведки дивизии (начальника разведки корпуса) и помогать его помощнику в сборе и обработке (учете) разведывательных донесений, а также в информации частей.

Переводчик докладывает начальнику или его помощнику все новые сведения, полученные в результате допроса пленных и в процессе изучения трофейных документов.

Допрос пленного в звене полк — дивизия, как правило, производился в объеме, необходимом для получения сведений в интересах ведения боя.

Исключительное значение имел быстрый и целеустремленный допрос пленных, захваченных во время боя передовых батальонов перед началом наступления наших войск. В этих случаях офицер-разведчик быстро, но тщательно выяс-

нял только те вопросы, знание которых обеспечивало командованию подготовку к наступательному бою и его успешное проведение. Все полученные сведения **без малейшего промедления** докладывались командованию и вышестоящему штабу. При этом особую роль играли **предварительные донесения**, которые содержали наиболее ценные сведения, полученные в результате допроса пленных. Предварительные донесения передавались вышестоящему штабу теми средствами связи, которые обеспечивали наиболее быструю доставку.

В следственной части начальника разведки армии производился допрос с целью дополнения сведений, полученных от пленных, в нижестоящих звеньях. Подробность допросов определялась знанием начальником разведки армии противостоящего противника и задачами, которые были поставлены командованием и начальником разведки фронта.

Практика войны дала возможность определить для следственной части следующие функции:

— ведение допроса пленных, перебежчиков, а также опрос местных жителей;

— тщательное изучение документов, отобранных у пленных;

— изучение и обработка всех сведений, полученных в результате допроса пленных и просмотра документов, и доклад их начальнику разведки армии;

— составление протоколов допроса с учетом личных документов, отобранных у пленных;

— составление проекта пункта разведывательной сводки «По показаниям пленных»;

— ведение рабочей карты группировки войск противника перед фронтом армии и соседей;

— сообщение заинтересованным штабам родов войск и специальных войск, политическому отделу и органам «СМЕРШ» о захвате пленных-специалистов с указанием времени, отведенного им для дополнительного допроса;

— по указанию начальника разведки информация войск по интересующим их вопросам; обеспечение их сведениями, полученными на основании показаний пленных и в результате изучения захваченных документов; отправка протоколов допросов, трофейных документов и переводов начальнику разведки фронта и при необходимости тому соединению, на участке которого пленный захвачен;

— контроль за своевременной отправкой пленных и трофейных документов в вышестоящий штаб;

— руководство приемом пленных от частей и соединений, организация обыска, размещения, охраны и питания пленных, а также отправки больных и раненых пленных в госпиталь;

— ведение пойменного персонального учета допрошенных пленных и перебежчиков, выявленных полевых почт и различных опознавательных знаков;

— отправка с разрешения начальника разведки политическому отделу писем, фото, периодической литературы и копий материалов, характеризующих политико-моральное состояние войск противника;

— составление на основе показаний пленных для вышестоящих разведывательных инстанций ежемесячных справок по характеристике офицерского состава противника, со списками выявленных полевых почт, условных обозначений, принятых в документах противника и пр.;

— составление ежемесячных отчетов о работе следственной части;

— поддержание тесного контакта с отделами (отделениями) управления тыла, ведающими эвакуацией военнопленных, и с представителями ближайших пунктов приема пленных в целях обеспечения правильного отбора пленных для допроса и учета противника по частям и соединениям, если захват пленных носит массовый характер.

Практика работы следственных частей подтвердила целесообразность составления **суточного обзора показаний пленных**. Это — расширенный (по сравнению с разведыва-

тельной сводкой) материал, в котором приводились все показания пленных, заслуживавшие внимания и могущие послужить информационно-справочным материалом как для вышестоящих разведывательных аппаратов, так и для родов войск. Суточный обзор направлялся вышестоящему штабу по телеграфу и дублировался по почте; ежедневно этот обзор докладывался командованию.

Для того чтобы получить от пленных правдивые показания в наиболее короткий срок, начальник следственной части должен:

— владеть языком противника;

— в совершенстве владеть тактикой и техникой допроса; уметь подойти к пленному с учетом его индивидуальных особенностей и предупредить дезинформацию;

— хорошо знать структуру армии противника, ее вооружение, тактику действий, а также государственное устройство и экономику воюющей с нами страны;

— знать обстановку перед фронтом! армии и на участках соседней.

Перед допросом начальник следственной части получал у начальника разведки или у начальника информационного направления указания о том, какие вопросы подлежат выяснению в первую очередь.

Обычно на допросах выявлялись следующие вопросы: нумерация частей, дислокация штабов, группировка войск, их вооружение и боевой состав; задачи части (соединения) и ближайшие намерения противника (приказ); особенности в тактике действий всех родов войск противника; состояние действующей части, ее организация, численный и боевой состав, вооружение; офицерский состав (его настроение и отношение к солдатам); инженерные сооружения и поддерживающие огневые средства (артиллерия, штурмовые орудия, танки и др.); подготовка к химической войне; местоположение и характер резервов и тыловых объектов; данные о новом оружии; организация разведки и тактика действий разведывательных подразделений противника.

Постоянное изучение политико-морального состояния войск противника являлось неотъемлемой частью нашей разведывательной деятельности. Допрос, касающийся политико-морального состояния, так же как и допрос по всем другим разделам, не велся по шаблону, так как политико-моральное состояние противника невозможно установить, задав один общий вопрос. Его обычно расчленили на ряд составных элементов: настроение, дисциплина; возрастной и национальный состав; потери и пополнение; питание и обмундирование; условия боевой жизни. Допрос велся в понятной и доступной пленному форме; затрагивались те вопросы, в которых он мог разобраться и на какие мог ответить. Совокупность этих ответов и позволяла офицеру-разведчику прийти к правильному выводу.

По указанию начальника разведки начальник следственной части руководил обучением переводчиков частей и соединений тактике и методам ведения допроса и инструктировал их о порядке изучения отобранных у плен-ных документов.

Следственная часть обычно располагалась вместе с аппаратом начальника разведки в первом эшелоне штаба армии. Однако допрос пленных производился вне расположения командного пункта (в 3—5 км от него).

При большом скоплении пленных на армейских пунктах отбора пленных допрос их по приказанию начальника разведки следственная часть производила на этих пунктах.

Допрос пленного или перебежчика производился в первую очередь офицерами-разведчиками; лишь после того как начальник разведки заканчивал допрос, пленный передавался другим органам и заинтересованным представителям других родов войск и специальных войск.

В период наступательных боев следственная часть располагалась вблизи начальника разведки, имея телефонную связь с коммутатором штаба армии. При необходимости один из офицеров следственной части находился на наблюдательном пункте командующего армии. В период наступа-

тельных боев при большом наплыве пленных переводчики информационного направления помогали в порядке взаимопомощи следственной части.

Практика допроса пленного показала, что не во всех случаях пленный отвечал на вопросы, которые представляли интерес для командования. Многие зависело от степени осведомленности самого пленного и от умения допрашивающего выведать все то, что пленному известно. Это умение приобреталось офицером-разведчиком и переводчиком постепенно, в процессе длительной и вдумчивой работы над собой, путем глубокого изучения особенностей разведывательно-следственной работы и углубления своих военных знаний.

Большое значение для допрашивающего и для переводчика имело знание разговорного языка, на котором изъяснялся пленный. Незнание переводчиком разговорной речи обычно вредно отражалось на результатах допроса. Чем лучше допрашивающий или переводчик владел языком противника, тем большее количество разнообразных и целеустремленных вопросов мог он поставить пленному и тем скорее добивался положительных результатов.

* *
*

Практика Великой Отечественной войны показала, что важные данные о противнике могут быть получены также посредством изучения захваченных документов, вооружения, обмундирования, снаряжения, а также путем осмотра поля боя и бывших районов (мест) размещения войск противника. Поэтому начальники разведки всех степеней стремились не только к систематическому захвату пленных, но и документов, образцов нового оружия, техники, снаряжения.

На поле боя тщательно просматривалось все имущество, оставленное противником, особенно в тех местах, где располагались его штабы.

При сборе документов наши разведчики не пренебрегали частной корреспонденцией, телеграфными лентами, книгами, радиограммами, отдельными обрывками документов.

В период оборонительных боев разведчики, как правило захватывали солдатские книжки, письма, записные книжки, фотографии, газеты, а в некоторых случаях ротные и батальонные боевые документы, журналы наблюдения и материалы пропагандистского характера.

Во время активных действий наших войск разведчики имели большую возможность захватывать штабные документы батальонов, полков, дивизий и документы других штабов.

О захвате документов (с указанием, где, в какое время какие захвачены документы и кому они принадлежали) немедленно любимы средствами! сообщалось вышестоящим штабам, а захваченные документы направлялись в штаб дивизии, где переводчик под руководством начальника разведки дивизии производил их первичный просмотр. Личные документы пленных после учета их направлялись в отдельном пакете со старшим конвоя.

Звено полк—дивизия не в состоянии было заниматься переводами трофейных документов, поэтому они после сортировки их немедленно отправляли вышестоящему начальнику разведки. Фотографии, письма, записи, принадлежавшие одному лицу, держали вместе.

При сортировке в штабе армии захваченных документов их обычно распределяли на следующие основные группы:

1. Приказы, приказания, распоряжения, официальные письма, служебные записки, сводки и другие оперативно-тактические документы. Эти материалы должны быть рассмотрены в первую очередь.

2. Официальные печатные издания (уставы, наставления, инструкции, приказы, сводки).

3. Графические документы (карты, схемы, эскизы и др.).

4. Личные солдатские книжки, знаки (они дают возмож-

ность установить род войск, номера частей, участвующих в боевых действиях, или номера их полевых почт и другие данные).

5. Дневники, записные книжки, частные записи (эти документы отличаются правдивостью и откровенностью).

6. Частная переписка (документы этого рода имеют ценность для выявления политико-морального состояния войск противника и изучения состояния его тыла).

7. Газеты и разные периодические издания.

8. Объявления гражданских властей.

Содержание этих документов переводчик докладывал начальнику разведки или начальнику информационного направления и получал указания о порядке перевода документов и отправки их штабу фронта.

В период наступления времени для детальной обработки всех документов часто не хватало. Поэтому практически делалось так: захваченные штабные документы быстро рассортировывались и из наиболее свежих оперативных приказов, карт с нанесенной обстановкой, системой огня и ограждениями, донесений о боевом и численном составе, потерях и пополнениях, т. е. из материалов, способствовавших выяснению боевых порядков противника, передвижений его войск, определению его замыслов, намерений и группировки, выбирались нужные сведения.

После чего документы, без перевода их немедленно отправлялись вышестоящему начальнику разведки. Отправка подлежали также уставы и наставления, газеты, журналы, письма, записные книжки, фотографии. **Шифры, коды, документы по радиосвязи, особо важные приказы и карты с нанесенной обстановкой, а также новые образцы оружия и разные личные документы гражданских лиц направлялись начальнику разведки фронта немедленно.**

Категорически запрещалось делать на подлинных документах помарки и заметки, так как это могло ввести в заблуждение офицера-разведчика при последующей обработке документа в вышестоящем соединении. Надписи на опе-

ративных документах и повседневные приказы по полку и дивизии давали возможность выявить фамилии лиц командного состава, а по фамилиям установить принадлежность подразделения, части и соединения.

Особое внимание уделялось анализу карт с нанесенной обстановкой, схем (карт) с участками обороны, планов минных полей и заграждений. Такие документы после быстрой первоначальной обработки немедленно доводились до войск, докладывались командованию и представлялись начальнику разведки фронта, так как почерпнутые из них сведения при последующем развитии боя оказывались зачастую очень ценными.

Краткое содержание переведенных оперативно-разведывательных документов, имеющих важное значение для боя, немедленно передавалось в нижестоящие штабы и докладывалось вышестоящим штабам до начальника разведки фронта включительно (по телеграфу или по радио).

* *
*

Опыт Великой Отечественной войны по вопросам разведки многообразен и требует глубокого изучения. Предлагаемая работа обобщает методику допроса пленного. Она может быть рекомендована в качестве вспомогательного материала, используемого при подготовке офицеров-разведчиков и военных переводчиков в частях, соединениях и в учебных заведениях.

ДОПРАШИВАЮЩИЙ

Допрашивать пленного должен уметь каждый офицер-разведчик. Полнота и ценность сведений, получаемых от пленного или перебежчиков, будут зависеть от искусства допрашивающего и от знания им техники ведения допроса.

Допрашивающий несет ответственность перед своим командованием за полноту, правильность и своевременность допроса пленного. Допрашивающий может быть назначен из числа офицеров части или соединения для проведения какого-либо отдельного допроса или же постоянно выполнять эти функции. Как правило, ведение постоянных допросов возлагается на офицеров-разведчиков.

В стрелковом полку допрос пленного, ввиду его небольшого объема, производится начальником разведки полка или начальником штаба.

В штабе дивизии пленного допрашивает начальник разведки дивизии или его помощник.

В штабе корпуса допрос пленного производит помощник начальника разведки.

В штабе армии допрос осуществляется начальником следственной части, а в случае необходимости — одним из офицеров-разведчиков по назначению начальника разведки армии. Пленные, показания которых могут иметь особо существенное значение, должны допрашиваться лично начальником разведки армии.

Чем выше степень штаба, в котором производится допрос пленного, тем больше и шире должна быть квалификация допрашивающего.

Для того чтобы получить все интересующие командование данные, допрашивающий должен быть хорошо подготовлен по общим и военным вопросам, в совершенстве знать организацию и тактику противника, постоянно быть в курсе имеющихся разведывательных данных о группировке, намерениях и действиях противостоящего противника.

Кроме того, он обязан знать в объеме, необходимом для ведения допросов, экономическое, политическое и географическое устройство страны противника; знать организацию своих войск; всегда знать задачи своей части (соединения); обладать широким кругозором: если нет переводчика, владеть языком противника. Допрашивающий должен уметь быстро и четко формулировать вопросы, быть наблюдательным и внимательным, обладать способностью подмечать главное, критически мыслить и анализировать, уверенно и решительно подчинять своей воле даже самые сильные натуры и во всех случаях должен быть в волевом отношении сильнее, чем допрашиваемые им лица. Допрашивающий обязательно должен быть хладнокровным, спокойным и ни при каких обстоятельствах не терять самообладания.

Качества, необходимые для выполнения разведывательной-следственной работы, не возникают в человеке сразу и не могут быть приобретены без планомерной и длительной подготовки. Они достигаются путем изучения специальных предметов в военно-учебных заведениях, постоянной работой над собой, воспитанием и развитием в себе необходимых волевых качеств.

Офицеры-разведчики обязаны изучать иностранные языки. Знание языка противника обеспечивает разведчику **быстроту, полноту, точность и ценность** допроса. Весьма желательно, чтобы офицеры-разведчики знали хотя бы один иностранный язык.

Однако офицер-разведчик не может предугадать, каким иностранным языком ему придется пользоваться в войне, а изучение многих языков является не только трудным делом, но и не всегда практически осуществимо, В таких случаях

на помощь офицеру-разведчику приходит специально подготовленный военный переводчик.

Военный переводчик обязан безукоризненно владеть разговорным и военным языком противника. Но одного знания разговорного языка противника для военного переводчика еще недостаточно. Практика Великой Отечественной войны показала, что многие лица, для довоенных условий безукоризненно владевшие немецким языком, в боевой обстановке не могли обеспечить своему командованию достаточно квалифицированного перевода показаний пленных и не умели правильно переводить вопросы, поставленные допрашивавшими офицерами. Знание военной терминологии, принятых условных обозначений и сокращений — неотъемлемая часть познаний военного переводчика. Очень часто военная терминология не соответствует разговорному языку, и буквальный перевод приводит к бессмыслице. Например, широко распространенный термин «Spanischer Reiter» означает рогатку, а буквально переводится как «испанский наездник». Термин «Reiterzug» означает взвод кавалерии, а может быть переведен, как «поезд с кавалерией». Таких примеров можно привести множество.

Военный переводчик, даже хорошо владеющий иностранным языком, должен (особенно при подготовке в мирное время) изучать существующие местные наречия (диалекты, военный жаргон), и научиться понимать их. Он не имеет права рассчитывать, что в процессе практической работы ему придется иметь дело с пленными, изыскующимися только на общепринятом языке. Пленные будут принадлежать не только к различным слоям населения и иметь неодинаковый культурный уровень, но и будут уроженцами различных областей, где язык нередко значительно отклоняется от общепринятого. В Великую Отечественную войну многие наши военные переводчики испытывали большие затруднения при допросе пленных немцев, являвшихся уроженцами Баварии, Шлезвиг-Гольштейна и других немецких провинций. В период активного участия итальянцев в боях на советско-герман-

ском фронте наши военные переводчики отлично владеющие итальянским языком, с трудом вели допрос уроженцев Сицилии и пограничных с Францией районов.

Помимо безукоризненного знания иностранного языка, для каждого военного переводчика не менее важно обладать широкими военными познаниями. Нельзя быть хорошим переводчиком и переводить механически, без проникновения в смысл переводимого. Переводчик обязан не только понимать, что он переводит, но и знать, для чего задается тот или иной вопрос и какого ответа ожидает допрашивающий от пленного.

Переводчик обязан выполнять свою задачу в пределах и формах, определяемых поведением допрашивающего офицера-разведчика, т. е. речь, тон и особенности интонации переводчика должны соответствовать поведению офицера, производящего допрос. Военный переводчик не имеет права переводить безразлично или равнодушно и тем самым снижать повелительный или настойчивый тон допрашивающего. Всякое смягчение тона при переводе или расплывчатая форма вопроса приведет к тому, что допрос не даст нужных результатов. Точно так же недопустимы явления обратного порядка, когда допрашивающий офицер-разведчик ведет допрос в мягкой и спокойной форме, а переводчик искажает интонацию и самовольно избирает резкий и повелительный тон.

Ответственность за результат допроса несет офицер-разведчик, которому поручен допрос, и эта ответственность не может быть переложена на военного переводчика или произвольно принята им на себя. Переводчик должен всячески помогать офицеру-разведчику добиться от пленного необходимых сведений, точно и осмысленно переводить вопросы допрашивающего и ответы пленного, не допускать искажений, ненужных сокращений и излишних подробностей.

Военный переводчик обязан помнить, что по характеру своей деятельности он является разведчиком, владеющим языком противника.

Допрашивающий, равно как и военный переводчик, должен помнить, что пленный является врагом, который, даже будучи разоружен, может продолжать борьбу и в плену, давая заведомо ложные показания и вводя допрашивающего в заблуждение.

Наряду с требовательным отношением к пленному и пресечением всяких враждебных выпадов с его стороны, допрашивающий обязан соблюдать корректное обращение с пленными.

Необходимо постоянно помнить, что не существует «неинтересных» пленных, так как любой пленный осведомлен не в одной, так в другой области. Поэтому от умения допрашивающего вести допрос зависит получение от пленного ценных сведений о противнике.

Допрашивающий обязан помнить, что результаты его работы могут существенным образом повлиять на принятие командованием решения. Поэтому он должен сознавать ответственность, которая на него возложена командованием и Родиной.

ОТБОР ПЛЕННЫХ

При массовом захвате в плен солдат и офицеров противника наиболее трудно бывает правильно отобрать пленных, подлежащих допросу.

Такой отбор прежде всего зависит от задачи, которую командование ставит перед разведкой. Поэтому, прежде чем приступить к отбору пленных, допрашивающий должен получить от своего командования (или начальника разведки) точные указания, в получении каких сведений оно наиболее заинтересовано в данный момент.

Например, если наибольший интерес представляют инженерные сооружения противника, то из среды пленных надлежит отобрать саперов или солдат, принимавших участие в строительстве данного оборонительного рубежа. Если внимание командования приковано к изучению артиллерийских средств противника, то наиболее ценные сведения могут дать пленные артиллеристы и т. д.

Сначала необходимо разбить пленных по родам войск и принадлежности их к частям. Эту разбивку производит полковой военный переводчик, который затем представляет начальнику разведки полка точные сведения, к каким частям принадлежат захваченные пленные.

Во время Отечественной войны к такой разбивке привлекались сами пленные. Для этого одному из них (обычно старшему по званию) вручался карандаш и лист бумаги, на котором он отмечал наименование частей (подразделений) и количество захваченных пленных; в отдельную рубрику вносились лица унтер-офицерского и офицерского

состава. Подробная разбивка пленных производится очень быстро и не требует непосредственного участия военного переводчика.

На его обязанности лежит лишь проверка правильности представленных сведений. Для этого пленные, принадлежащие к одному подразделению, выстраиваются и производится их подсчет.

В период наступательных операций, когда число пленных велико, полковой переводчик должен ограничиться простейшим учетом количества захваченных пленных.

Для этого он заносит в тетрадь учета пленных следующие сведения: дату захвата, принадлежность, количество пленных с разделением по званиям, место захвата, особые примечания.

В дивизионных, корпусных и армейских разведывательных аппаратах ведется учет только **допрошенных лиц**, так как общий учет пленных не является их функцией (эта работа производится на сборных пунктах военнопленных работниками тыла).

Учет пленных в дивизии, корпусе и армии ведется по установленной форме (см. приложение 1).

Полковые переводчики часто жаловались на несоответствие первоначальных сведений стрелковых батальонов о количестве захваченных пленных с их фактическим поступлением. Такое расхождение вполне понятно, так как в условиях боя не представляется возможным точно учесть число пленных. Однако это не дает переводчику права сообщать в вышестоящий штаб заведомо неправильные или непроверенные сведения о числе пленных.

Командование Н-ского фронта в 1944 г. произвело неожиданную проверку поступивших от соединений сведения о количестве пленных. Были проверены с возможной тщательностью все донесения частей и соединений за определенный период. В результате проверки выяснилось, что полки почти всегда преувеличивали количество захваченных пленных, а последующие инстанции (дивизионные, корпус-

ные и армейские штабы) произвольно «округляли» или видоизменяли эти цифры, и фронтовое командование вводилось таким образом в заблуждение. После проверки всем действующим частям и соединениям было разъяснено, что подобные явления совершенно недопустимы и что в целях борьбы с такими искажениями фактов нужно прежде всего организовать правильный учет пленных в полку. Кроме того, было указано, что пленными должны считаться только те лица, которые сданы на сборные пункты под формальную расписку. Эта проверка принесла большую пользу. В дальнейшем фактическое количество пленных не расходилось с цифрами, сообщенными в сводках.

Направляя пленных в вышестоящий штаб, полковой переводчик указывает в препроводительной записке количество направляемых пленных и принадлежность их к частям (подразделениям). Эти фактические цифры немедленно докладываются по телефону начальнику разведки дивизии.

В большинстве случаев командование ставит разведке обширные задачи по добыванию сведений о противнике. Тогда перед офицером-разведчиком, осуществляющим допрос пленных, возникает вопрос: кто именно из захваченных пленных может дать более исчерпывающие ответы на вопросы, интересующие командование?

Если в условиях оборонительного боя или стабильного положения на фронте количество пленных бывает незначительным и офицер-разведчик может сосредоточить свое внимание на допросе всех захваченных его частью (соединением) лиц, то во время наступательных боев, когда сдача в плен противника может быть целыми группами, выбрать пленного для допроса очень трудно.

Опытный офицер-разведчик понимает, что от каждого пленного можно получить какое-то количество сведений **большей или меньшей** ценности. Поэтому он будет стремиться допросить как можно больше пленных.

Для того чтобы это оказалось осуществимым в условиях ограниченного времени, офицер-разведчик должен прежде

всего **ограничить свой допрос разрешением задач, которые ему поставлены, и отрешиться от ненужных в данный момент частностей.**

Принято думать, что самыми осведомленными являются пленные, имеющие наибольшее воинское звание. Поэтому неопытный офицер-разведчик сосредоточит все свое внимание на отборе унтер-офицерского состава (если среди пленных не имеется офицеров) и оставит в стороне солдатскую массу. Это будет неправильно. При отборе следует иметь в виду не только воинское звание пленного, но и характер выполнявшихся им задач. Очень часто некоторые категории рядового состава лучше осведомлены, чем, например, унтер-офицеры. Телефонисты и посыльные при командире батальона или в штабе полка зачастую больше в курсе обстановки, чем многие командиры рот и взводов. Поэтому при беглом опросе захваченных пленных необходимо выяснять наличие среди них солдат, выполнявших обязанности посыльных, связных, офицерских денщиков, телефонистов, шоферов и пр. Такой беглый опрос производится с большой быстротой и не представляет никаких трудностей.

Осенью 1943 г. во время боев на Таманском плацдарме при беглом допросе пленных, захваченных при форсировании канала Курка, был обнаружен шофер командира 50-й пехотной дивизии немцев, которого за какой-то проступок направили в пехотное подразделение. Этот шофер на допросе в штабе Н-ской армии показал, что во время служебных поездок по линии фронта генерал-лейтенант Шмидт вел в машине с различными офицерами служебные разговоры; пленный кратко изложил содержание их, что помогло нашему командованию определить план и срок отхода 50-й пехотной дивизии на новый рубеж.

В конце октября 1943 г. в районе Чаплинка (севернее Перекопа) был захвачен в плен телефонист батальона связи 49-го (горного) армейского корпуса. Этот телефонист на основании подслушанных им телефонных разговоров между офицерами штаба 49-го армейского корпуса дал ценные по-

казания о состоянии немецких пехотных дивизий, разгромленных на кубанском плацдарме и переброшенных немецким командованием на южно-днепровский участок фронта.

Приведенные примеры показывают важное значение правильного отбора пленных.

Немаловажной задачей офицера-разведчика является приобретение навыка в отборе по внешним признакам из общей массы пленных именно тех, которые могут сообщить наиболее ценные сведения. Умение «читать по лицам» приобретает только опытом, и дать какие-либо определенные указания по этому вопросу очень трудно. Под внешними признаками не следует понимать состояние одежды, характерные особенности сложения и другие частности внешнего порядка. Внешний вид пленного только **иногда и лишь в некоторой** степени может определить особенности его характера.

Совершенно особо следует рассмотреть вопрос о плененных офицерах. Практика Великой Отечественной войны показала, что допрос офицеров должен производиться обязательно, независимо от должности, которую занимал пленный. Поэтому в любом случае, как при массовом, так и при одиночном захвате в плен, офицерский состав должен быть допрошен полностью. В некоторых случаях допрос пленного офицера не представит для дивизионных и корпусных разведчиков значительного интереса, между тем как вышестоящий штаб сможет извлечь из его показаний важные сведения.

Так, в августе 1944 г. во время боев на Дубисском оборонительном рубеже (1-й Прибалтийский фронт) был захвачен лейтенант, принадлежавший к 548-й пехотной дивизии немцев. Одновременно с ним были захвачены три солдата из состава роты, которой этот лейтенант командовал. Все четверо были допрошены, и офицер дал наименее интересные показания. При допросе в штабе дивизии и в штабе корпуса не обратили внимания на слабые познания пленного лейтенанта, его просто сочли малоосведомленным офи-

цером и не придали этому обстоятельству никакого значения. Однако во время допроса в вышестоящем штабе офицеры-разведчики обратили внимание не только на слабую осведомленность пленного, но и на его тактическую малограмотность. Это позволило провести допрос в совершенно иной плоскости и получить ряд ценных сведений о порядке подготовки офицерского состава для так называемых «народно-пехотных» дивизий (фольксгренадире), впервые появившихся на советско-германском фронте в начале осени 1944 г. На основании полученных сведений можно было составить суждение об умении офицерского состава данной дивизии управлять боем. В дальнейшем, после прорыва нашими войсками Дубисского оборонительного рубежа, вторая «народно-пехотная» дивизия была смята и быстро разгромлена. Офицерский состав дивизии не только не сумел организовать сопротивления, но даже не обеспечил своим подразделениям возможность отхода, и солдаты разбежались по лесам.

Пленные офицеры всегда представляют для офицера-разведчика интерес как источник получения сведений. Поэтому, независимо от того, какие боевые действия ведет соединение (часть), захватившее пленного, допрос офицера должен быть произведен тщательно, в пределах тех вопросов, которыми интересуется командование соединения (части) **для практического ведения боя**. Подробный и разносторонний допрос пленных офицеров производится в штабах армии и фронта.

ОБЫСК ПЛЕННОГО

Обыск пленного должен производиться чрезвычайно тщательно.

Прежде всего следует учесть, что пленный может хранить при себе документы, представляющие ценность для разведки.

Наиболее оправдавшим себя методом повторного обыска если членный уже обыскан в подразделении, захватившем его является отдача приказа вынуть все из карманов и других потайных мест. После того как пленный заявит, что вынул из карманов и других мест хранения абсолютно всё, необходимо произвести контрольный обыск. Такой обыск ни в коем случае не должен производиться офицером-разведчиком, ведущим допрос, или военным переводчиком. Обыск производится лицом, специально выделенным для этой цели (кем-либо из охраны или конвоиров).

Если пленный что-либо утаил, надо внимательно исследовать, **что именно и в каких целях**. В тех случаях, когда пленный пытается сохранить какие-нибудь записи, документы или предметы, необходимо немедленно изъять их и тщательно изучить.

В ноябре 1943 г. во время боев в днепровских плавнях (северо-восточнее Херсона) была захвачена на переднем крае разведывательная группа 73-й пехотной дивизии немцев. Захваченных солдат и унтер-офицера тщательно обыскали на месте захвата и затем в штабе полка. При повторном допросе в штабе дивизии снова произвели тщательный обыск и в головном уборе унтер-офицера обнаружили лис-

ток папиросной бумаги, на котором была нанесена схема района действий разведывательной группы где обозначены проходы в немецких минных полях. Этот документ немедленно и с большим успехом использовали наши разведчики.

В некоторых случаях пленные пытаются сохранить деньги, личные письма, фотографии, амулеты и принадлежности религиозного культа. Это дает возможность офицеру, ведущему допрос, судить о характерных особенностях пленного (скудость, привязанность к семье, суеверие, религиозность и пр.) и использовать их при допросе.

В условиях оборонительного боя или стабильного положения на фронте, когда количество пленных незначительно, они подвергаются тщательному обыску непосредственно в частях. Во время наступления, когда поток пленных велик, произвести тщательный обыск всех пленных не всегда представляется возможным. Однако во всех случаях необходимо произвести обыск с целью изъятия как огнестрельного, так и холодного оружия. Пренебрежение этим требованием может привести к неприятным последствиям. Необходимо учитывать, что не всегда конвоирование военнопленных осуществляется с достаточной строгостью. По пути следования даже предварительно обезоруженные военнопленные могут подобрать валяющиеся оружие и боеприпасы.

В марте 1945 г. во время боев на фишхаузенском направлении в штаб одной из наших армий поступила большая группа пленных, предварительно обысканных в частях. При контрольном обыске у двоих пленных были обнаружены в капюшонах зимних курток ручные гранаты советского образца, подобранные ими в пути следования. На допросе пленные признались, что они замыслили побег и для этой цели вооружились.

Такие случаи всегда могут быть, и офицер, производящий допрос, обязан, прежде чем приступить к своей работе, приказать обыскать пленного.

ОБСТАНОВКА ДОПРОСА

Офицеры-разведчики должны уметь допрашивать пленных в любых условиях. Местом для допроса в действующей части или соединении могут служить воронка от снаряда, развалина дома, любой окоп или укрытие.

Однако при малейшей возможности ведение допроса следует организовать так, чтобы при нем присутствовали лишь те лица, которые имеют к нему прямое отношение. Всякий лишний человек мешает допрашивающему сосредоточиться, отвлекает внимание пленного, нарушает обстановку допроса неуместными вопросами и замечаниями. На допросе должны присутствовать допрашивающий и переводчик. Если присутствует представитель командования, то он тем самым берет на себя обязанности допрашивающего и проводит допрос самостоятельно. В противном случае его присутствие ставит офицера-разведчика в зависимое положение, что отрицательно повлияет на результаты допроса.

Исключение может быть сделано для представителей родов войск, когда допрос пленного производится по специальным вопросам, в которых офицер-разведчик не компетентен. Однако и в этих случаях допрос следует разбить на две самостоятельные части: в первой—офицер-разведчик допрашивает пленного без участия специалистов, во второй — производит допрос по специальным вопросам в присутствии представителя того или иного рода войск.

Не следует допускать присутствия на допросе солдат, несущих охрану, или конвоиров.

Может случиться, что сведения, полученные от пленного, не будут соответствовать действительности, являясь плодом его воображения, результатом неосведомленности или просто злостной дезинформацией. Такие сведения не должны получать распространения, так как они ведут к распространению ложных слухов и к дезориентации своих войск. Это еще одна причина, по которой присутствие лишних людей на допросе недопустимо.

Допрос в штабе полка осуществляется в полевых условиях, и офицеру-разведчику зачастую приходится допрашивать пленных в неудобном помещении или где-либо на местности. Офицер-разведчик, ведущий допрос в полевых условиях, должен быть чрезвычайно предусмотрительным и заранее принять меры для предотвращения возможности побега пленного. Допрос в штабе дивизии или в штабе корпуса, а особенно в штабе армии, осуществляется в более удобных для допрашивающего условиях.

Во всех случаях следует строго соблюдать обязательное правило — не производить допроса пленного непосредственно на самом командном пункте. Для ведения допроса может быть избрано любое помещение, находящееся в некотором отдалении от расположения штаба соединения. Место для допроса, особенно в штабе армии, необходимо выбирать с таким расчетом, чтобы пленный по пути на допрос и после него не видел признаков, характеризующих наличие крупного штаба: линий телеграфно-телефонной связи, замаскированных стоянок автомашин, значительного количества офицеров и пр. Ни при каких обстоятельствах пленный не должен знать или догадываться, в какой инстанции его допрашивают.

Пленные, подвергающиеся длительному и всестороннему допросу, должны содержаться в таком помещении, которое позволяет хорошо организовать охрану и изолировать уже допрошенных лиц от пленных, еще подлежащих допросу. Пленных офицеров необходимо содержать отдельно, чтобы они не смогли оказывать влияния на солдат. Незави-

симо от воинского звания пленных, общение их с местными жителями и лицами, не имеющими отношения к составу разведывательно-следственной части, недопустимо.

Место допроса должно находиться на таком расстоянии от помещения, где содержатся пленные, чтобы исключалась всякая возможность подслушивания или подглядывания.

Помещение, где производится допрос, следует содержать в образцовой чистоте и порядке. Совершенно недопустимо, чтобы в этом помещении кто-либо спал или чтобы в смежных помещениях во время допроса упражнялись в пении, игре на музыкальных инструментах и т. п. Нужно помнить, что помещение для допроса — такое же штабное помещение, как и всякое другое. Все ссылки на фронтовые условия в данном случае являются необоснованными и даже вредными, так как в самой трудной полевой обстановке всё же можно соблюдать порядок и чистоту, используя для работы хотя бы пленных.

В помещении для допроса не должно быть ничего лишнего. Лучше всего для этой цели использовать комнату, в которой имеется лишь стол и стул для допрашивающего. На стенах комнаты не должны висеть плакаты, картины и пр. В некоторых случаях полезно, чтобы в том месте, где происходит допрос, висела трофейная карта района, в котором был захвачен пленный. Карта должна быть чистой и без каких-либо пометок; она должна быть повешена так, чтобы пленный мог указывать на ней необходимые пункты, не приближаясь к столу допрашивающего.

В помещении не должно быть никаких предметов, которыми пленный мог бы нанести удар допрашивающему. Особенно тщательно нужно следить за этим в тех случаях, когда на допросе присутствует кто-либо из командования.

Помещение, где производится допрос, обязательно должно охраняться. У входной двери снаружи устанавливается пост. В случае надобности второй пост устанавливается у окна с наружной стороны. Часовые должны быть точно проинструктированы и нести службу в строгом соответ-

ствии с установленным порядком. Выставлять внутренний пост нежелательно, так как присутствие лишнего человека помешает допрашивающему. Ошибочно мнение, что внутренний пост нужен для обеспечения безопасности допрашивающего. Офицер, ведущий допрос, ни при каких обстоятельствах не должен опасаться пленного, а обязан силой **морального** воздействия сломить всякое стремление пленного к сопротивлению и поставить его в зависимое положение.

Опрашивающий обязан иметь при себе исправное и заряженное огнестрельное оружие.

Неправильно делает ведущий допрос офицер-разведчик, когда вынимает оружие и кладет его перед собой на стол.

Так нельзя поступать по следующим соображениям: слабovolный или напуганный пленный начнет лгать и путать, пытаясь избежать якобы неминуемой расправы; волевой сильный, предполагая близкую смерть, либо еще более замкнется, либо, воспользовавшись удобным моментом, попытается схватить оружие и использовать его для самоубийства или для убийства допрашивающего офицера.

Если допрос производится в темном помещении или в ночное время, следует позаботиться о наличии освещения. Оно является неотъемлемой частью методики допроса. Офицер-разведчик должен иметь полную возможность видеть выражение лица пленного и наблюдать за ним во время допроса. У большинства людей, особенно в момент нервного напряжения, лицо отражает внутреннее состояние, вследствие чего допрашивающий может определить, лжет пленный или нет, уверен ли он в своих показаниях или сомневается, как он реагирует на неожиданные вопросы и т. д.

Пленный дает свои показания **стоя**. Допрос ни при каких обстоятельствах не должен напоминать «дружескую беседу», и разрешение давать показания сидя может быть предоставлено пленному лишь в тех случаях, когда он находится в очень плохом физическом состоянии. Допрос раненых пленных производится по-разному, в зависимости от обстоятельств.

Пленный обязан соблюдать все требования воинской дисциплины, принятые в его армии; эти правила поведения должны быть известны допрашивающему. Нельзя требовать, чтобы пленный вел себя по правилам, установленным в Советской Армии, так как они могут быть ему неизвестны.

Очень часто перебежчики и дезертиры пытаются держаться непринужденно и хотят чувствовать себя «на равной ноге» с допрашивающим их офицером. Такое положение нетерпимо и должно пресекаться немедленно.

Независимо от причин, побудивших пленного сложить оружие, он обязан в полной мере соблюдать дисциплину. Малейшее попустительство в этом вопросе ведет к нежелательным и вредным последствиям.

Пленный должен знать воинское звание допрашивающего офицера и называть его в соответствии с этим званием. Допрашивающий сам пользуется правом называть его по фамилии, не обозначая звания. Только в тех случаях, когда офицер-разведчик найдет это нужным в интересах допроса, можно допускать исключения в отношении захваченных в плен офицеров. Если имеются доказательства добровольной капитуляции офицера, за ним сохраняются права и преимущества, предусмотренные соответствующими положениями, действующими в Советской Армии.

Грубейшую ошибку допускают допрашивающие, обращаясь к пленному на «ты». В большинстве случаев обращение на «ты» у западных народов является не оскорбительной, а **дружеской** формой. Во время допроса необходимо придерживаться формы обращения, указанной в уставах Советской Армии, не допускающих обращения на «ты».

Требую от пленного соблюдения всех внешних признаков проявления дисциплины, допрашивающий обязан помнить о том, что сам он является представителем Советской Армии. Он своим внешним видом должен внушать уважение к представляемой им армии. Совершенно недопустимо, чтобы допрашивающий имел худший вид, чем тот офицер, которому подчинялся пленный в своей армии. Внешняя

подтянутость, умение держаться внушительно и независимо, соблюдение даже в трудных полевых и боевых условиях, внешнего вида, достойного звания офицера Советской Армии, является исключительно важным обстоятельством в работе офицера-разведчика.

Говоря об обстановке допроса, нельзя не остановиться на таком важном обстоятельстве, как поведение допрашивающего; оно непрерывно воздействует на пленного и зачастую определяет успех допроса. Хладнокровие должно быть присуще всякому разведчику, а в особенности допрашивающему пленных. Допрашивающий должен всем своим поведением создавать на допросе строгую и спокойную обстановку. В любых случаях, даже самых сложных и рискованных офицер-разведчик обязан сохранять ясность мысли и спокойствие. Ничто так не вредит допросу, как беспокойное поведение допрашивающего. Бессмысленное повышение тона, крик, суетливость, размахивание руками и прочие проявления беспокойства никогда не приводят к положительным результатам. Потеря управления собственными чувствами неминуемо приводит к тому, что ведущий допрос не сможет сосредоточиться, потеряет ясность мысли и лишит допрос целеустремленности.

Следует помнить, что среди пленных встречаются опытные и наблюдательные люди, которые сразу учтут неуравновешенность допрашивающего и не подчинятся его моральному воздействию.

Не следует думать, что хладнокровие есть врожденное состояние. Это неверно: оно дается длительной работой над собой, и каждый, кто будет тренировать себя в этом направлении, достигнет положительных результатов. Фронтные условия являются прекрасной школой для выработки хладнокровия и спокойствия. Всем известно, что поведение солдата и офицера, впервые попавших в условия боя, резко отличается от поведения опытного фронтовика. Это объясняется тем, что «обстрелянный» фронтовик сумел приобрести необходимые навыки, закалил свою волю и чувства под ог-

нем противника и научился сохранять спокойствие даже когда его жизни грозит непосредственная опасность. Воспитание хладнокровия является неотъемлемой частью работы офицера-разведчика над собой, которая должна вестись в любых условиях, постоянно и систематически, как в мирное, так и в военное время.

Существовала неправильная, опровергнутая опытом Великой Отечественной войны «теория» о недопустимости одновременного ведения допроса и протокольных записей. По мнению лиц, выдвигавших эту «теорию», запись офицером-разведчиком показаний отрицательно влияет на психику пленного. Однако это мнение совершенно несостоятельно. Наоборот, пленный будет сообщать гораздо меньше ложных сведений, если он увидит, что показания его фиксируются на бумаге. Практика войны показала, что ведение протокольных записей во время допроса необходимо, так как практически невозможно запомнить все сведения, сообщенные пленным, и правильно записать их позднее. Ведение протокольных записей в черновом виде производится самим допрашивающим или военным переводчиком, если он участвует в допросе.

Порядок постановки вопросов может быть совершенно произвольным и зависит от лица, ведущего допрос. Нельзя дать никакого образца ведения допроса, так как он производится не по шаблону. Очень часто офицер-разведчик вынужден повторно задавать один и тот же вопрос, меняя только его форму или задавая его в иной связи. В этом и заключается искусство ведения допроса.

Вопросы следует ставить пленному ясно, четко и в простой форме. Особенно важно это при допросе рядового состава. Чем проще поставлен вопрос, тем яснее будет ответ. Неясная и путаная форма вопроса неминуемо приведет к тому, что пленный начнет путать или просто не поймет заданного вопроса. Основным достоинством допрашивающего является умение в кратчайший срок добиться от пленного исчерпывающего и правдивого ответа на поставленный

вопрос. В некоторых случаях, особенно при допросе офицеров, необходимо усложнять постановку вопросов или задавать их в отвлеченной форме; однако для применения такого метода должно быть основание (например, упорное нежелание пленного отвечать на вопросы).

Нельзя строить вопрос таким образом, чтобы пленному самим вопросом заранее подсказывался ответ. В подобном случае весь результат допроса сведется к нулю. Допрашивающий обязан выяснить истинное положение, независимо от своих личных предположений по существу того или иного вопроса. Пленный ни при каких обстоятельствах не должен догадываться, какой вопрос больше всего интересует офицера-разведчика. Это обстоятельство нужно учитывать всегда, а в особенности при допросе офицеров.

В одном из соединений военный переводчик лейтенант Иванов получил от своего командования задание проверить данные, полученные из вышестоящего штаба, о сосредоточении в районе Н-ского леса пехоты и танков противника. Во время допроса пленного офицера военный переводчик задавал ему вопросы только в интересующем его направлении. Пленный быстро понял нехитрый замысел лейтенанта и «показал» все, что от него требовали. В результате такого «допроса» военный переводчик только дезинформировал свое командование; проверив показания пленного другими средствами и убедившись в их ложности, старший начальник совершенно правильно наложил на лейтенанта Иванова строгое взыскание.

Офицер-разведчик, приступая к допросу, не должен иметь предвзятого мнения по интересующим его вопросам, иначе может случиться, что он бессознательно будет «подгонять» показания пленного под это мнение.

Офицер-разведчик не имеет права хотя бы в малейшей степени исказить показания пленного, потому что это является по существу дезинформацией. Как бы горьки и неприятны ни были полученные сведения, допрашивающий обязан доложить их командованию со всей точностью.

Допрос раненых — частое явление в практике офицера-разведчика.

Принципиальной разницы в методе допроса легко раненого и здорового пленного нет. Перед допросом раненому должна быть оказана медицинская помощь. Оказание медицинской помощи никогда не может быть орудием шантажирования пленного. Такой метод находится в прямом противоречии с самим духом Советской Армии и действующими в нашей стране законами.

Никаких исключений для легко раненных пленных в отношении допроса не делается, и допрос производится обычным порядком. В некоторых случаях, если этого требуют обстоятельства, раненому пленному разрешают давать показания сидя (например, при ранении в ногу).

Допрос тяжело раненого — более трудное дело. В этих случаях допрос производится либо в госпитальных условиях, либо по месту доставки пленного. Очень часто пленный, получивший тяжелое ранение, находится в таком состоянии, что произвести допрос полностью невозможно. Тогда офицер-разведчик последовательно, если нужно — с перерывами, задает пленному наиболее важные вопросы. Вопросы ставятся четко и немногословно, с таким расчетом, чтобы они легко воспринимались. Расплывчатость и многословность допроса в подобных условиях могут привести к тому, что раненый впадет в беспамятство или умрет-ранее, чем сообщит необходимые сведения.

Огромное большинство пленных считает, что самый факт тяжелого ранения и возможная близость смерти освобождают их от «моральной ответственности» за дачу показаний своему противнику. Этот фактор никогда не следует упускать из вида. С другой стороны, опыт войны показал, что всякий пленный стремится сохранить свою жизнь, и те раненые пленные, которым была своевременно и внимательно оказана медицинская помощь, охотно и полно освещают все известные им вопросы, интересующие допрашивающего.

Часто бывает полезно двумя-тремя фразами рассеять охватившее тяжело раненого пленного уныние и вселить в него бодрость.

При допросе пленного в госпитальных условиях необходимо следить, чтобы на месте допроса не было лишних людей. Для этого достаточно вынести носилки с лежащим на них пленным в какое-либо отгороженное помещение или даже просто в свободный угол. Присутствие медицинского состава на допросе допускается, если только тематика допроса не является абсолютной тайной, разглашение которой может повредить планам нашего командования. В ряде случаев присутствие медицинского состава может оказать значительную пользу.

Необходимо, чтобы перед началом допроса офицер-разведчик ознакомился с документами, изъятыми у раненого. Исключительно важно успеть прочитать личную переписку пленного, так как напоминание о семье очень сильно действует на людей, находящихся на грани жизни и смерти. Если при изъятии документов обнаружены фотографии членов семьи, то допрашивающий должен лично вернуть их раненому пленному, что обычно производит весьма сильное впечатление. Целесообразно возвращать личные письма и все то, что напоминает раненому пленному о семье и доме.

При допросе тяжело раненого необходимо с особой осторожностью подходить к сообщаемым им сведениям, так как из-за тяжелого состояния пленный часто невольно сгущает краски. Иногда раненый пленный просто бредит. В этих случаях опыт и знание обстановки подскажут офицеру-разведчику, что из показаний пленного является истиной.

ДОПРОС

Пленный, прежде всего, является источником разведывательной информации. Правильное использование этого источника облегчит ведение боевых действий и сохранит жизнь многим нашим воинам.

Только с этой точки зрения офицер-разведчик обязан рассматривать находящегося на допросе пленного.

Офицер-разведчик должен помнить, что некоторые пленные рассматривают свое пребывание в плену как продолжение сопротивления иными средствами. Наиболее распространенной формой такого сопротивления является умышленная дезинформация.

Борьба с умышленной дезинформацией — воинский долг офицера-разведчика, ведущего допрос.

Он должен любыми средствами сломить сопротивление пленного и не только добиться от него правильных показаний, но и установить причины, побудившие его к дезинформации.

Причин, побуждающих пленного к дезинформации, существует много; наиболее распространенные из них следующие:

1. Политические соображения, когда пленный (чаще всего офицер буржуазного или дворянского происхождения) продолжает оказывать моральное сопротивление и, сообщая заведомо ложные сведения, стремится нанести вред нашей армии, рассчитывая спутать планы командования.

2. «Шкурные» соображения, когда пленный пытается сообщением неправильных сведений сохранить свою жизнь, якобы находящуюся в опасности.

3. Специальные соображения, когда пленный заслан на нашу территорию (чаще всего под видом перебежчика) органами собственной разведки с целью дезинформации.

Легче всего распознаются дезинформаторы, не имеющие специального задания вражеской разведки. Наиболее распространенным методом разоблачения таких дезинформаторов является очная ставка и перекрестный допрос других пленных, принадлежащих к той же части или подразделению.

Офицер-разведчик, заподозривший пленного в умышленной дезинформации, должен предупредить его, что дачей ложных показаний он ставит себя в невыгодное положение и будет рассматриваться как противник, продолжающий сопротивление, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если после такого предупреждения пленный продолжает настаивать на своих показаниях, то вводятся остальные участники очной ставки (желательно — ранее допрошенные) и им ставятся те же вопросы, что и дезинформатору.

Задача офицера-разведчика — системой умело поставленных вопросов добиться от остальных участников правдивых показаний, что поставит дезинформатора в безвыходное положение. Над тем, какова должна быть система этих вопросов, офицер-разведчик обязан подумать до начала очной ставки и вести допрос по руслу, обеспечивающему постановку вопросов в наиболее выгодном для себя сочетании. Следует учесть, что большое количество вопросов может рассеять внимание и позволит пленному, особенно такому, который умеет быстро придумывать ложные показания и приспособливаться к любой обстановке, отойти от основной темы допроса. Полученные ответы заносятся в протокольные записи. Вполне допустимо, чтобы допрашивающий четко формулировал показания участников очной ставки. Нельзя допускать между пленными переговоров, переглядываний, жестикуляции и других способов общения. Недопустимо также, чтобы пленные вступали между собой в спор, увлекались частностями и нарушали дисциплину допроса.

Как правило, дезинформатор не может безучастно относиться к показаниям другого пленного, и одной из важных задач офицера-разведчика является пристальное наблюдение за поведением пленного, давшего ложные показания.

Когда в распоряжении офицера-разведчика не имеется пленных из той части (подразделения), к которой принадлежит дезинформатор, разоблачение его представляет известные трудности. Только если офицер-разведчик имеет достаточный навык в ведении допроса пленных, умеет правильно сопоставить показания дезинформатора с показаниями других пленных и с данными, полученными из иных источников, повторить один и тот же вопрос в разных вариантах, сочетаниях и в различное время, он сможет обнаружить дезинформатора и разоблачить его.

Прежде чем приступить к допросу, офицер-разведчик обязан:

- получить от своего командования (начальника разведки) указания, какие сведения должны быть добыты в первую очередь;
- знать карту данного района военных действий и условия, в которых был захвачен пленный;
- изучить группировку противника перед своей частью (соединением) и соседями;
- знать задачи разведки своей части (соединения), которые поставлены командованием;
- ознакомиться с информацией вышестоящего штаба (разведсводки, обзоры и пр.);
- изучить личные и другие документы, присланные одновременно с пленным или изъятые при обыске;
- проверить, все ли подготовлено для допроса и обеспечено ли сохранение порядка при его ведении.

Все эти мероприятия не должны оттягивать начало допроса. Офицер-разведчик обязан помнить, что на войне элемент времени играет решающую роль. Очень часто командование указывает офицеру-разведчику, в какой срок он обязан доложить результаты допроса. Следует помнить, что

методика допроса в основном определяется количеством отведенного для него времени. Если по независящим от офицера-разведчика обстоятельствам допрос не удалось закончить в установленный срок, он обязан в назначенное время доложить командованию полученные им сведения, хотя бы и неполные.

При ведении допроса следует учитывать воинское звание пленного, его психологию, личные особенности и физическое состояние.

Совершенно недопустимо, чтобы офицер, ведущий допрос, делился с военным переводчиком или с другими должностными лицами, присутствующими на допросе, своими впечатлениями о ходе дела, а также давал оценку показаниям пленного. Излишние разговоры на допросе должны быть исключены. Надо учитывать, что пленный всегда вслушивается в незнакомую ему речь и пытается делать выводы, зачастую неверные. Кроме того, не следует забывать, что некоторые пленные могут понимать русский язык, и это далеко не всегда полезно для допрашивающего. В тех случаях, когда допрашивающий установил, что пленный владеет русским языком, следует выяснить подробнее, в каком объеме ему известен язык, откуда он его знает и пр. Во время Великой Отечественной войны наибольший процент засланных немецких лазутчиков был среди пленных, владевших русским языком.

В отдельных случаях, если это вызвано особыми обстоятельствами (ранение пленного в полость рта, в грудь), допрос может быть произведен в письменном виде. Иногда в письменном виде допрашиваются офицеры старших степеней. Их обязывают самостоятельно изложить свои показания в форме документа и затем подписать его. Допрос в письменном виде может быть применен и в тех случаях, когда требуется усилить у пленного чувство ответственности за свои показания.

Какие бы ценные сведения ни сообщал пленный, офицер-разведчик не имеет права показывать, что они представ-

ляют для него интерес. В таких случаях допрашивающий обязан сохранять хладнокровие и спокойствие, вести дальнейший допрос в обычном темпе и не акцентировать внимания на интересующих его сведениях. Задавая вопросы в различных сочетаниях, «подводя» пленного к неминусовому изложению интересующих разведчика фактов, можно добиться гораздо более ценных результатов, чем односторонними вопросами на одну и ту же тему.

К выяснению вопроса о наличии новых видов вооружения допрашивающий должен подходить очень осторожно, так как пленные всегда боятся ответственности за разглашение секретных сведений. Предположим, что офицеру-разведчику необходимо получить сведения о десятиствольных минометах. Было бы неправильно, если бы он спросил у пленного:

«Нет ли в вашей части нового оружия, например, десятиствольных минометов, и как они устроены?» На такой вопрос почти ни один пленный не ответит, так как он поймет, что допрашивающий ровно ничего о десятиствольных минометах не знает. Большинство пленных сошлется на незнание, а наиболее хитрые постараются запутать допрашивающего. Правильнее будет спросить: сколько в части на такое-то число десятиствольных минометов и почему до сих пор не прибыли остальные? Такой вопрос заставит пленного думать, что допрашивающий знает больше, чем он сам.

Иногда при допросе пленным (особенно старшим офицерам) сообщают проверенные разведывательные данные. Это делается в целях предотвращения дезинформации и зашпигательства. Среди таких проверенных данных необходимо вклинить одну-две неверные цифры и проследить за тем, использует ли пленный это обстоятельство для развития дезинформации или исправит «ошибку» офицера-разведчика и покажет правду.

Офицер-разведчик обязан изыскивать новые формы и методы допроса, полностью соблюдая принятые в нашем государстве положения об обращении с пленными.

ПЕРВИЧНЫЙ И ПОЛНЫЙ ДОПРОС

Различают два основных вида допроса: первичный и полный.

Первичный допрос производится в полку и дивизии и имеет целью обеспечение разведывательными данными выполнения боевых задач. Полученные при допросе сведения немедленно сообщаются вышестоящему штабу в виде предварительного донесения.

Полный допрос производится начальниками разведки корпусов и армий. Во время Великой Отечественной войны офицеры разведки полков и военные переводчики жаловались, что объем и содержание допроса, производимого в полку, очень сужены и якобы не представляют интереса. Такое суждение неверно по следующим причинам: допрос в полку дает возможность командованию полка получить ценные сведения, которые оно может практически использовать при ведении боя; благодаря первичному допросу уточняется группировка противника, что позволяет судить о наличии перегруппировок и перебросок вражеских войск; сведения, добытые посредством первичного допроса, помогают вышестоящему командованию изучить ряд подробностей, необходимых при планировании последующих действий. Таким образом, результаты первичного допроса следует считать основным звеном во всей цепи сведений, получаемых в результате допроса пленных.

Первичный допрос, производимый в полку и дивизии, в основном направлен к тому, чтобы выяснить:

— общие сведения о пленном (звание, должность, фамилия);

— нумерацию подразделения, части, соединения, к которым принадлежал пленный, и их расположение;

— расположение огневых точек, огневых позиций (в том числе зенитной артиллерии), наличие танков и самоходных установок, наблюдательных пунктов артиллерии и минометов, размещение и характер противопехотных и противотанковых препятствий и заграждений на переднем крае обороны противника и в глубине, местоположение командных пунктов батальонов, части, соединения;

— боеспособность подразделения и части, их численность, вооружение, потери и пополнение, материальную обеспеченность, поддерживающие и приданные средства;

— ближайшую задачу подразделения или части, стыки, соседи;

— наличие резерва, место, откуда прибыла часть, кого сменила;

— пути подвоза боеприпасов.

Допрос пленного в полку должен быть кратким, без детализации, не представляющей интереса для командования полка. Особое внимание должно быть обращено на выяснение расположения огневых точек противника во всех подробностях. Допрос в полку по возможности проводится на местности, потому что в этих условиях удобнее выяснять расположение и взаимодействие огневых точек противника и уточнять другие сведения.

Более подробно допрос пленного ведется в штабе корпуса и армии. Здесь выясняют:

— фамилию, имя, должность и воинское звание пленного;

— характер выполнявшейся пленным работы;

— национальность, возраст, место рождения;

— обстоятельства и место захвата в плен;

— номер подразделения, части, соединения и полевой почты;

— опознавательные знаки соединения;

— время и маршрут прибытия части на фронт;

— организацию, боевой состав, численность и вооруже-

ние подразделения, части, соединения;

— расположение подразделения, части, соединения и их состав;

— систему огня;

— расположение и характер оборонительных сооружений;

— расположение артиллерийских (в том числе зенитных) подразделений, калибр орудий, количество, огневые позиции, наблюдательные пункты, систему связи;

— наличие боеприпасов;

— количество танков, самоходных установок, где они расположены и пр.;

— потери и пополнение в личном составе и материальной части;

— новые виды вооружения;

— боевую задачу части и соединения;

— состояние дорог и мостов в тылу противника;

— данные о водных препятствиях и степени их проходимости;

— политико-моральное состояние личного состава части, соединения и тыла.

Этот перечень вопросов является постоянным; все они должны быть выяснены на любом допросе. Однако при допросе пленного в штабе корпуса (а в некоторых случаях и в дивизии) объем допроса может быть значительно шире. Степень детализации допроса будет зависеть от задач, поставленных перед соединением, и от степени осведомленности пленного.

Таким образом, перечислить все сведения, которые офицер-разведчик может получить от пленных, не представляется возможным.

Общие сведения о пленном (фамилия, имя, воинское звание, принадлежность) выясняются всегда двояким путем: личными показаниями пленного и проверкой его документов. Если у офицера-разведчика есть основания предполагать, что пленный не является тем лицом, за которое он се-

бя выдает, необходимо рядом неожиданных вопросов, задаваемых в процессе допроса, проверить правильность подозрений. Случаи, когда пленный выдает себя за другого, довольно редки, но все же могут встретиться.

Принадлежность пленного к части выясняется во всех инстанциях. Такой метод в значительной степени гарантирует от возможных ошибок. Пленный всегда знает, к какому батальону и полку он принадлежит.

На первичном допросе, производящемся в полку (дивизии), кратко выясняются основные сведения о пленном, без ненужных на данном этапе подробностей. Однако эти подробности имеют большое значение при допросе в штабе корпуса и армии, где допрос производится в полном объеме, и служат для многих целей, прежде всего для анализа контингента армии противника.

Объем вопросов, задаваемых при выяснении личных сведений, показан в приведенных примерах.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЛЕННОМ

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>I. Унтер-офицер Верлих Гергард, командир отделения 3-й роты 14-го фузилерного батальона 14 пд. Захвачен в плен 27.4.45 в районе отм. 9,5 на косе Фриш-Нерунг.</p> <p>II. Унтер-офицер Бергнер Франц, командир отделения 4-й роты 1 батальона сводной войсковой группы. Захвачен в плен 14.7.44 в районе Жолнеришки (4 км севернее Алитус).</p>	<p>Пример 1</p> <p>Унтер-офицер Верлих Гергард, командир отделения 3-й роты 14-го фузилерного батальона 14 пд. По национальности немец. Уроженец г. Пюриц, провинция Мекленбург; родился в 1913 г. До призыва механик на заводе Леунаверке в Галле на Заале. В армию призван в апреле 1942 г. в округе Бунцлау. До июня 1942 г. проходил обучение в 14-м учебно-запасном батальоне в г. Бунцлау. С июня 1942 г. до 22.4.45 проходил службу во 2-й роте 14 пд 14 пд. С 23.4.45 в связи с расформированием 14 пд направлен в 3-ю роту 14-го фузилерного батальона 14 пд. Наград и ранений не имеет. Захвачен в плен 27.4.45 в районе отм. 9,5 на косе Фриш-Нерунг.</p> <p>Пример 1</p> <p>Унтер-офицер Бергнер Франц, командир отделения 4-й роты 1 батальона сводной войсковой группы. Захвачен в плен 14.7.44 в районе Жолнеришки (4 км севернее Алитус). По национальности немец. Родился в 1915 г. в Мазенен (Восточная Пруссия). Окончил народную школу. До призыва — сельскохозяйственный рабочий. С 1936 по 1938 г. находился на действительной военной службе в 73-м батальоне аэродромного обслуживания. Вновь призван на военную службу в августе 1939 г. в 176-й запасный полк 61 пд в г. Эльбинг (округ Данциг). Участвовал в войне против Франции и Польши. На советско-германском фронте с</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
	<p>22.6.41. В боях под Львовом был тяжело ранен и находился на излечении до мая 1942 г. (данные подтверждаются документально). С 14.5.42 по 15.5.44, по причине ограниченной годности к военной службе, служил в запасных и охранных частях (211-й запасный батальон, Ганновер; 151-й запасный батальон, Белосток; 176-й запасный батальон, Браунсберг; 400-й запасный батальон, Августов; 201-й охранный батальон, Гогенштайн, Восточная Пруссия; 218-й охранный батальон, Растенбург, Восточная Пруссия).</p> <p>С 15.5 по 10.7.44 проходил подготовку на курсах усовершенствования унтер-офицерского состава в Штаблак (Восточная Пруссия), откуда был 11.7.44 назначен в 4-ю роту сводной войсковой группы, формировавшейся в Штаблак.</p>

В последний период Отечественной войны, когда недостаток людских резервов не давал германскому командованию возможности пополнять свои потрепанные части, отдельные полки и батальоны действовали в составе «чужих» дивизий или преобразовывались в так называемые «боевые группы» (кампфgruppen). Офицерам-разведчикам в таких случаях было подчас очень трудно добиться от пленных четких показаний, в составе какого соединения их часть (подразделение) действует.

Тщательное выяснение принадлежности пленного имеет и большое принципиальное значение, так как помогает разведке следить за перегруппировками противника.

Независимо от словесных показаний пленного о принадлежности к той или иной части, офицер-разведчик обя-

зан тщательно просмотреть его личные документы и бумаги, обнаруженные при обыске.

Иногда (при отсутствии личных документов) принадлежность пленного определяется по номеру полевой почты, обозначенной на его личных письмах. В этих случаях проверка производится по справочнику нумерации полевых почт.

Если у пленного не обнаружено никаких документов и писем, подтверждающих его принадлежность к той или иной части, офицер-разведчик обязан с большой тщательностью выяснить причины, побудившие пленного уничтожить их. Отсутствие документов всегда должно заставить допрашивающего настороженно относиться к пленному.

Выяснение обстоятельств захвата в плен является очень важным вопросом, особенно при допросе в разведывательном аппарате корпуса, армии.

Если пленный захвачен во время его участия в разведке, то офицер, производящий допрос, обязан уточнить, какая задача ставилась разведывательной группе. Если задача в целом пленному неизвестна, то по отдельным элементам, которые должны быть тщательно выяснены, можно будет судить о всей задаче или о большей части ее. Выяснение характера задачи разведчиков и целей, с которыми она была поставлена, позволит нашему командованию придти к более или менее правильному выводу о предстоящих действиях или намерениях противника.

Если пленный захвачен в результате действий нашей разведки и взят из боевых порядков противника, то круг задаваемых ему вопросов будет совсем иным. Следует отметить, что пленные, взятые из боевых порядков и долго не бывавшие в собственном тылу, чаще всего представляют для офицера-разведчика интерес только в смысле уточнения и подтверждения наличия на том или ином участке фронта определенного подразделения или части противника. Это дает возможность получить более полное представление о его группировке.

Офицеру-разведчику приходится допрашивать также и лиц, добровольно перешедших линию фронта. В этих случаях надлежит тщательно различать людей, совершивших переход через фронт по политическим соображениям, от обычных дезертиров. К заявлениям и показаниям тех и других офицер-разведчик обязан отнестись весьма критически и внимательно проверить всеми средствами, при каких обстоятельствах лица указанных категорий перешли линию фронта. Как показал опыт Великой Отечественной войны, именно среди этой категории пленных встречается наибольшее количество агентов вражеской разведки. Вот почему обстоятельства перехода линии фронта необходимо всегда подробно выяснять, не проявляя излишнего доверия.

Надо также иметь в виду, что разведывательные подразделения любят иногда приукрасить свою роль в захвате пленного и изобразить его, как чрезвычайно активного и сильно сопротивлявшегося противника. С другой стороны пленный зачастую будет показывать, что при захвате в плен он не оказывал сопротивления, а сдался добровольно. Обычно истина представляет собой нечто среднее между этими двумя противоречивыми положениями.

При любых обстоятельствах пленный должен знать номер полевой почты своей части. Показания пленного о том, что он не имеет семьи и знакомых и не ведет переписки, не могут считаться основательными. Только в том случае, когда пленный принадлежал к новому пополнению и был сразу захвачен в плен, номер полевой почты может быть ему еще неизвестен. Но для офицера-разведчика такой пленный представит значительный интерес с другой точки зрения. Он сможет показать, откуда и когда пополнение прибыло, что он видел в пути, каков контингент пополнения, какова степень обученности солдат и пр.

Определение опознавательных знаков имело значение только в начале Великой Отечественной войны. Тогда каждая дивизия имела свои опознавательные знаки, которые помещались на автомашинах, танках, бронетранспортерах и

пр. По мере увеличения потерь в немецкой армии, уменьшения количества техники, а также в целях сохранения военной тайны опознавательные знаки были постепенно изъяты и к 1944 г. исчезли совсем (за исключением тыловых частей).

Выявление командного состава противника имеет большое значение по ряду причин. Помимо специальных целей, рассмотрение которых не входит в нашу задачу, это очень важно для самого допрашивающего. Зная фамилии командира роты, батальона или полка, очень легко проверить принадлежность пленного к тому или иному подразделению или части. Это поможет избежать ошибок и путаницы и будет способствовать разоблачению подозрительных лиц.

Во время боев в районе г. Эльс на сторону Советской Армии перешел солдат, якобы принадлежащий к 317-му батальону фольксштурма, ранее дислоцировавшемуся в г. Эльс. Во время допроса офицер-разведчик стал сомневаться в правдивости показаний пленного и неожиданно задал ему вопрос: «Как поживает ротмистр Ханф?» Перебежчик, застигнутый неожиданным вопросом врасплох, ответил, что местопребывание ротмистра Ханфа ему сейчас неизвестно, и тем самым обнаружил свое «знакомство» с офицером, являвшимся командиром 8-го отдельного разведывательного батальона, действовавшего на данном участке фронта. Дальнейшим допросом было установлено, что «перебежчик» являлся разведчиком 8-го отдельного разведывательного батальона и перешел линию фронта со специальным заданием.

В приведенном примере знание офицером-разведчиком командного состава противника помогло выяснить фактическую принадлежность пленного и истинную цель Перехода им линии фронта.

Во многих случаях знание фамилий офицеров противника помогает офицеру-разведчику вести допрос, так как создает у отдельных пленных впечатление большой осведомленности допрашивающего и парализует их намерения сообщить неверные сведения. Естественно, что подобная

осведомленность офицеров-разведчиков относительно офицерского состава противостоящих частей возможна лишь в условиях длительной обороны и при несменяемости частей противника. Во время наступательных боев, когда вражеские части сменяются быстро, очень трудно выяснить их офицерский состав. Однако и в этих случаях следует устанавливать фамилии офицеров противника и в случае надобности использовать добытые сведения при допросе пленных.

С исключительным вниманием офицеры-разведчики, осуществляющие допрос в штабах всех степеней, должны отнестись к появлению на участке фронта новой части (соединения) противника. Естественно, что чем выше степень штаба, тем углубленнее будет производиться допрос, пленного, принадлежавшего к вновь отмеченной части (соединению).

В подобном случае прежде всего надо точно выяснить, действительно ли пленный принадлежит к этой части, и всесторонне проверить его (учесть документы, письма, детали одежды и пр.). Такая проверка необходима потому, что появление новой части (соединения) вызывает повышенный и вполне объяснимый интерес со стороны вышестоящих штабов, внимательно следящих за всеми перегруппировками противника, поэтому тщательная проверка принадлежности пленного является первой задачей допрашивающего.

Во время Великой Отечественной войны нередко бывали случаи, когда в целях дезинформации или из-за недостатка людских резервов отдельные маршевые команды, принадлежавшие к запасным батальонам (эрзац-батальонам) немецких пехотных дивизий, направлялись на пополнение других дивизий, и солдаты нового пополнения не знали, к какой дивизии они фактически принадлежат. На допросе они показывали свою формальную принадлежность к той или иной дивизии, документами такая принадлежность подтверждалась, и офицер-разведчик имел все основания предполагать, что противник на данном участке ввел

в действие новое соединение. Поэтому чрезвычайно важно уточнить, в каком количестве, куда и откуда прибыло данное пополнение, каков был маршрут, способ перевозки (эшелон или отдельный вагон), где выгрузились. Немаловажную роль играет знание таким пленным своего нового номера полевой почты, так как он помогает определить, к какой части действительно принадлежит пленный.

В тех случаях, когда командование считает доказанным ввод противником в действие новой части (соединения), допрашивающий должен самым тщательным образом выяснить организацию этой части (соединения). При допросе пленного в корпусе и армии необходимо очень подробно выяснить все вопросы, связанные с переброской нового соединения на данный участок фронта.

В период осенне-зимней кампании 1944 г. немецкое командование лихорадочно перебрасывало свои мотомеханизированные соединения с южного фронта на восточно-пруссский плацдарм, стараясь не допустить продвижения Советской Армии на территорию Германии. В это время были переброшены парашютно-танковый корпус «Герман Геринг», 12-я танковая дивизия и другие соединения. При допросе захваченных пленных, принадлежавших к переброшенным соединениям, наши офицеры-разведчики подробно выяснили путь следования эшелонов, длительность стоянки на узловых станциях, степень загруженности отдельных железнодорожных участков, темп продвижения и ряд других деталей. Было обращено внимание на методы железнодорожных перевозок не только людского состава, но и материальной части. В результате ряда допросов мы получили ценные сведения о состоянии железных дорог в глубоком тылу противника, что позволило командованию Советской Армии судить о способности немцев совершать переброски крупных соединений с одного фронта на другой.

Офицеры-разведчики, осуществляющие допрос пленных, при появлении новой части (соединения) должны с максимальной быстротой и точностью определить, в каком

составе, с каким вооружением и с какой задачей новое соединение прибыло на данный участок.

Ценным пособием при изучении нового соединения являются печатные материалы с указанием боевых характеристик и боевого пути соединений противника, списки командного состава, справочники по организации вооруженных сил противника и ряд периодических изданий.

Как правило, все эти материалы помогают офицеру-разведчику разобраться в организации, боевом пути и особенностях вновь появившегося соединения. Кроме того, они освобождают офицера-разведчика от излишней затраты времени и сил на выявление уже известных положений.

Недостаточное внимание офицера-разведчика к систематически выпускаемым справочным изданиям, разведывательным бюллетеням и прочим материалам затрудняет работу допрашивающего и ухудшает ее качество.

Возможны случаи, когда справочные материалы окажутся устаревшими, тогда офицер-разведчик обязан восполнить имеющиеся в них недочеты и добиться получения более точных сведений. Эта задача ложится в первую очередь на офицеров-разведчиков штабов армий и корпусов. Однако и дивизионным разведчикам следует принять в этой работе посильное участие. Круг задач полковых офицеров-разведчиков должен быть ограничен и не выходить из пределов боевой деятельности полка.

Во время войны, особенно на ее заключительном этапе, немецкое командование по разным причинам, зачастую из агитационно-политических соображений, начало формировать новые типы частей и соединений, существование которых не было (и не могло быть) предусмотрено никакими справочниками. Так возникли в 1944 г. «народно-пехотные» дивизии (фольксгренадире), формирование которых началось после покушения на Гитлера. Эти дивизии появились на советско-германском фронте в августе 1944 г.; организация их, боевой и численный состав, вооружение были в скором времени вскрыты советскими офицерами-разведчиками.

Вслед за «народно-пехотными» дивизиями появилось «народное ополчение» (фольксштурм), существование которого не могло быть объяснено никакими военными соображениями и носило авантюристический характер. Появление перед нашими войсками в конце 1944 г. частей фольксштурма является типичным для конца войны, когда немецкое командование остро ощутило нехватку людских и материальных ресурсов.

Выявление организации, боевого и численного состава и вооружения подразделения (части, соединения) составляет неотъемлемую часть всякого допроса вновь захваченного пленного. В тех случаях, когда пленных захватывают систематически и указанные вопросы хорошо известны нашему командованию, офицер-разведчик обязан проверить, не произошло ли за период, прошедший со времени захвата последнего пленного, каких-либо изменений.

Во время войны немецкое командование под влиянием ряда жестоких поражений стало менять организацию своих частей и соединений. К таким изменениям надо прежде всего отнести переход на двухбатальонные полки при сохранении в дивизии трехполковой системы и формирование новых дивизий двухполкового состава при наличии трех батальонов в полку. К концу войны в германской армии была большая организационная путаница. В ходе постепенного и систематического уничтожения германской армии немецкое командование изменяло организацию артиллерийских полков, переходя в отдельных случаях на трехдивизионную структуру, или же, сохраняя четырехдивизионную структуру, сокращало число батарей в дивизионах либо количество стволов в батарее. Некоторые части были упразднены, слиты и реорганизованы. Таким образом, вместо разведывательных батальонов возникли фузилеры, парашютные соединения превратились в пехотные.

На заключительном этапе войны немецкое командование формировало и бросало в бой «сводные войсковые группы», «боевые группы» и пр., существование которых не

предусматривалось никакими штатными расписаниями или законными положениями. Эти части и подразделения, состоявшие из артиллеристов, саперов, авиатехнического персонала, солдат тыловых служб, следует рассматривать не как новую форму организации, а только как **временные** формирования, созданные противником в период агонии его армии. В таких случаях организация представляла для офицера-разведчика незначительный интерес, и задача его сводилась к выяснению боевого и численного состава и вооружения вновь появившегося соединения (части).

ПОЯВЛЕНИЕ НОВОЙ ЧАСТИ

Пример

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>Пленные А., Б. и В. принадлежат к нерегулярным частям «фольксштурм» 25/58 и 25/60.</p>	<p>Войсковые части 25/58 и 25/60 являются нерегулярными частями германской армии, сформированными по приказу Гимmlера в ноябре 1944 г. Для формирования этих частей, носящих название «фольксштурм» (народное ополчение), используются возрастные когтингенты, не подлежащие призыву в регулярные войска, рабочие и служащие оборонных предприятий; члены национал-социалистской партии, освобожденные от призыва в армию по каким-либо причинам, и все прочие элементы, способные носить оружие. Формирование отрядов «фольксштурм» производилось местными национал-социалистскими партийными организациями, которые выделяли из своего состава лиц, когда-либо служивших в германской армии или имеющих военные познания. По мнению Гимmlера, создание «фольксштурмских» отрядов должно было поддержать моральный дух отступающей германской армии и заставить</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>Пленные А., Б. и В. принадлежат к нерегулярным частям «фольксштурм» 25/58 и 25/60.</p>	<p>ее оборонять рубежи Германии до последнем капли крови. Офицерский состав «фольксштурма» состоит из руководителей партийных организаций. Каждому отряду «фольксштурма» присвоен номер и название того района или предприятия, где отряд сформирован. Отряд 25/58, помимо номера, называется «Шихау», по имени верфей, из числа рабочих которых производилось формирование. Отряды «фольксштурма» приравнены к стрелковым батальонам и насчитывают в своем составе от 500 до 700 человек.</p> <p>Обучение военному делу «фольксштурмовцев» производилось в течение ноября и декабря 1944 г. и происходило без отрыва от производственной деятельности.</p> <p>Солдаты и офицеры «фольксштурма» получают содержание не от военного ведомства, а от местных партийных организаций. Оклад солдата-«фольксштурмовца» составляет 30 марок в месяц. Семьи призванных в «фольксштурм» получают от предприятия, где призванный работал, ежемесячное пособие в размере среднего-прежнего заработка.</p> <p>Прочие виды довольствия отряды «фольксштурма» получают от тех воинских частей и соединений, в составе которых они действуют.</p> <p>Все отряды «фольксштурма» организационно подчинены гаулейтеру Восточной Пруссии или той провинции, в которой они сформированы.</p> <p>Подготовка солдат и офицеров «фольксштурма» слабая, боеспособность незначительная. Отряды «фольксштурма» вооружены винтовками К-98, итальянскими и французскими карабинами и т. д.</p>

ОРГАНИЗАЦИЯ, СОСТАВ И ВООРУЖЕНИЕ

Пример

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>I. 14-й фузилерный батальон трехротного состава, 1-я и 2-я роты — стрелковые, 3-я рота — танкоистребительная.</p> <p>Численный состав стрелковых рот: по 70 чело век. Вооружение: 4 ручных пулемета, 12 скорострельных винтовок карабины. Танкоистребительная рота — до 50 человек. Вооружение: 6 ружей Офенрор, 6 фаустпатронов, остальное — автоматы обр. 1944 г.</p>	<p>14 фузилерный батальон заново сформирован 25—26.4.45 из личного состава расформированного 14 птд и остатков 56-го фузилерного батальона 56 пд. Батальон трехротного состава, общей численностью до 200 активных штыков. 1-я и 2-я роты стрелковые, по 70 человек в каждой. Вооружение обычное стрелковое. 3-я рота—танкоистребительная, численностью до 50 человек. Танкоистребительная рота состоит из трех взводов.</p> <p>1-й и 2-й взводы имеют на вооружении по 3 противотанковых ружья Офенрор, 3 фаустпатрона, автоматы обр. 1944 г. 3-й взвод является взводом прикрытия танкоистребительных взводов.</p> <p>До конца марта 1945 г. 14 пд входила в состав 41 ак 4 армии, а затем, после переброски на косу Фриш-Нерунг, перешла в подчинение 2 та. В составе какого корпуса действует 14 пд, пленный не знает. Восстановление дивизии после разгрома ее в марте 1945 г. в районе Хайлегинбайль произошло на восточном побережье косы Фриш-Нерунг и Кармельи. В настоящее время в состав дивизии входят 11 и 53 пп (101 пп не восстановлен, и остатки его пошли на пополнение действующих частей дивизии). Восстановление 14 ап происходит медленно ввиду недостатка материальной части. Личный состав 4-го дивизиона направлен на пополнение пехотных частей. Заново сформированы 14-й фузилерный и 14-й саперный батальоны.</p> <p>Пехотные полки двухбатальонного состава; в батальонах по три стрелковых роты</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>II. 4-я рота 1-го батальона сводной войсковой группы насчитывает на 14.7.44 до 110 штыков. Вооружение роты: 2 станковых и 9 ручных пулеметов, 9 ружейных гранатометов, 5 автоматических скорострельных винтовок, остальные карабины.</p> <p>Всего в батальоне 4 роты одинаковой численности. Роты имеют по три стрелковых взвода и по одному взводу станковых пулеметов. 1-му батальону придано одно 75-мм штурмовое орудие</p>	<p>и по одной роте тяжелого оружия. Пленный предполагает, что численность стрелковых рот не превышает в среднем 60 человек. В полках имеются 13 и 14-я роты. На формирование 14 рот 11 и 53 пп был обращен личный состав 14 птд и артиллеристы тяжелого дивизиона 14 ап.</p> <p>14-й саперный батальон используется в качестве пехотного резерва.</p> <p>Сводная войсковая группа сформирована в Штабляк (Восточная Пруссия) на базе курсов усовершенствования унтер-офицерского состава. Формирование было произведено в спешном порядке и продолжалось двое суток. В состав группы входят: пехотный полк двухбатальонного состава (полк нумерации не имеет), артиллерийский дивизион, моторизованный пехотный батальон, противотанковая рота.</p> <p>Батальон пехотного полка четырехротного состава. Численность рот после формирования — до 103 штыков. Вооружение рот: 2 станковых и 9 ручных пулеметов, 9 ружейных гранатометов, 5 автоматических скорострельных винтовок и карабины. Командиры отделения вооружены автоматами.</p> <p>В состав артиллерийского дивизиона входят три гаубичные батареи четырехорудийного состава калибра 105 мм, 9 одна штабная батарея. Гаубичная батарея на механической тяге.</p> <p>Мотобатальон насчитывает до 500 штыков. Вооружение — обычное стрелковое. В мотобатальон входят 60 грузовых, 9 легковых автомашин, 25 мотоциклов с колясками и бронетранспортер. Мотобатальон используется в качестве подвижного резерва.</p> <p>Противотанковая рота вооружена пятью 37-мм, двумя 50-мм и одним 88-мм</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
	<p>противотанковыми орудиями. Численный состав и остальное вооружение пленному неизвестны.</p> <p>Из состава курсов усовершенствования унтер-офицерского состава в сводную войсковую группу было направлено до 850 человек. Остальной состав был направлен из различных запасных частей и формировочных пунктов Восточной Пруссии.</p> <p>Преобладающий состав — немцы, до 10% — австрийцы и эльзасцы. Большинство солдат имеет длительный боевой опыт.</p> <p>Номер полевой почты сводной войсковой группе не присвоен. Вся корреспонденция направляется по адресу курсов усовершенствования унтер-офицерского состава в Штаблак.</p>

Точное знание сил и средств противника дает возможность командованию делать предположения относительно его намерений.

Многие недостаточно опытные офицеры-разведчики, в обязанность которых входил допрос пленных, считали формальным и скучным занятием каждый раз спрашивать пленного, сколько солдат в его взводе или роте или каким количеством пулеметов рота располагает. Они предпочитали допрашивать пленных по ряду иных вопросов, имевших общее и не всегда серьезное значение.

Между тем самый факт сохранения противником численного состава на одном уровне свидетельствует о том, что он систематически получает пополнение из своей запасной части. Таким образом, напрашивается вывод, что противник располагает некоторыми людскими ресурсами. Сохранение противником полной укомплектованности своих подразде-

лений позволяет судить о том, что сам он готовится к наступлению или ожидает активных действий с нашей стороны и потому тщательно пополняет потери. В тех же случаях, когда подразделения совсем не пополняются или пополняются в незначительном количестве и за счет собственных тыловых подразделений, особенно когда среди этого пополнения имеются солдаты, не закончившие курс лечения в госпиталях или преждевременно возвратившиеся из отпуска, можно сделать вывод о тяжелом положении противника на данном участке и ослаблении его боеспособности.

Пехотинец, захваченный нашими разведчиками из боевых порядков противника, очень часто не знает количества тяжелых пулеметов, приданных его подразделению, и ему неизвестно взаимодействие огневых точек. Однако это обстоятельство не освобождает офицера-разведчика от обязанности выяснить все эти сведения; постепенно накапливаясь, эти сведения в сочетании с данными, полученными разведкой наблюдением, помогут выявить систему огня противника.

Расположение подразделения (части, соединения) и его соседей, места стыков, размещение наблюдательных и командных пунктов уточняются на всех ступенях допроса пленного.

Первичный допрос солдат по этому разделу желательно производить непосредственно **на местности**. Очень часто пленный плохо разбирается по карте, независимо от того, какого масштаба карта будет ему предъявлена. Обычно длительный обстрел местности меняет ее внешний вид; дотла уничтожаются показанные на карте постройки, низменные участки местности затапливаются водой, вырубаются леса и рощи и т. д. В силу этих причин на местности зачастую уже отсутствуют те ориентиры, которые есть на карте. Помимо этого, пленный запоминает стыки подразделений по ориентирам, созданным войной, например, по сгоревшему танку, подбитому орудью, разрушенной ДОТ и пр. Отсюда ясно, что допрос на местности избавит офицера-разведчика от не-

точностей, неизбежных при ведении допроса по карте, и даст возможность получить абсолютно правильные сведения. Тот же самый метод может быть широко использован при выяснении расположения огневых точек и оборонительных сооружений противника.

При допросе на местности пленный не может отговариваться незнанием участка своего подразделения. Любой солдат знает своего непосредственного соседа и, в зависимости от времени пребывания на этом участке, а также от степени любознательности, обычно знает, с кем граничит его правый и левый сосед.

Уточнение стыков подразделений противника представляет особую ценность в период длительных оборонительных боев и при подготовке наших войск к наступательной операции.

При отходе войск противника офицер-разведчик, допрашивая пленного, должен сосредоточить свое внимание на выяснении направления и путей отхода главных сил противника, на выявлении силы и состава частей, прикрывающих отход, уточнении подхода резервов противника, особенно танковых и подвижных частей и соединений, и на определении места их сосредоточения. Кроме того, он должен уточнить количество и типы танков и самоходных орудий противника, степень разгрома и измотанности его главных сил, боевой и численный состав этих сил; выяснить, подготавливает ли противник контратаки на флангах, в каком состоянии находятся вражеские оборонительные рубежи и опорные пункты, какова степень их готовности и занятости войсками, боевой и численный состав этих войск.

Выяснение местонахождения командных и наблюдательных пунктов противника является неотъемлемой частью всякого допроса при любом виде боя. Каждый солдат знает расположение своей роты и постоянное местонахождение ее командира. Расположение батальонного командного пункта известно большинству пленного; но пленные, захваченные из боевых порядков, не всегда будут знать местонахождение

штаба полка, особенно в тех случаях, когда пленный солдат давно не был в своем ближнем тылу. Поэтому, прежде чем задавать вопрос о местонахождении штаба полка (дивизии), целесообразно выяснить у пленного, когда и для чего он в последний раз ходил в свой войсковой тыл.

Если пленный выполнял обязанности посыльного, связного, линейщика-телефониста и пр., он почти всегда знает расположение командного пункта батальона и штаба полка.

При допросе пленного, принадлежавших к новому пополнению, необходимо точно выяснить путь их следования от станции выгрузки до переднего края. Таким образом можно выяснить расположение запасного батальона дивизии и ряд подробностей, которые помогут определить местонахождение штаба полка и дивизии и размещение их тылов.

Чем выше штаб, в котором производится допрос, тем с большей ответственностью офицер-разведчик должен подходить к выяснению местонахождения штабов противника. Посредством допроса пленного трудно выяснить местонахождение крупных штабов противника (корпуса, армии); эти сведения добываются другими средствами разведки. Но иногда показания пленного помогают судить о правильности добытых иными средствами сведений.

Расположение и характер оборонительных сооружений противника должны служить предметом особого внимания при допросе пленного в полку и дивизии, которым раньше или позже придется прорывать полосу обороны противника. Поэтому изучение и накопление сведений об устройстве оборонительных сооружений имеет очень существенное значение; над этими вопросами офицеру-разведчику приходится систематически и тщательно работать.

При допросе пленного, захваченного из боевых порядков противника, необходимо прежде всего установить: какие оборонительные сооружения его окружали и в каком он сам находился; устройство и глубину окопов (стрелковых ячеек), глубину и направление ходов сообщения, наличие и

устройство ДОТ, ДЗОТ, открытых пулеметных площадок, степень готовности и характер оборудования сооружений, наличие и качество оборудования землянок для отдыха гарнизона.

Степень насыщенности обороны заграждениями часто может служить основанием для суждения о том, собирается ли противник длительно и прочно удерживать занимаемый рубеж.

Вторым важным моментом при допросе пленного является выяснение, в какой мере и какими силами противник продолжает совершенствовать полосу обороны. Знание степени готовности полосы обороны и характера выполняемых работ по ее усовершенствованию (всегда надлежит точно выяснять место производимых работ) может дать нашему командованию представление о том, на каком участке противник ожидает активных действий наших войск и где он наиболее уязвим.

В ходе допроса необходимо постепенно выяснить систему и степень развития главной полосы обороны противника, характер траншей, отдельных опорных пунктов, узлов сопротивления, наличие ДОТ, ДЗОТ, закопанных в землю танков и самоходных установок, артиллерийских позиций, противотанковых батарей и орудий, расположение позиций, зенитной артиллерии и отсечных позиций.

Наряду с выяснением этих вопросов офицер-разведчик должен уточнить устройство и степень готовности всех видов противопехотных и противотанковых заграждений.

При выяснении наличия минных полей не следует ограничиваться кратким сообщением, например, «перед окопами 2-й роты имеется минное поле». Такое определение недостаточно. Необходимо добиться от пленного сведений о ширине и глубине минного поля, установить наличие прохода в нем и способ его обозначения, а также расстояние между минами и их тип.

Если выяснится наличие проволочных заграждений, нужно узнать их устройство, ширину, высоту и пр.

Не всегда один пленный может детально описать оборонительные сооружения на своем участке. Чаще всего изучение полосы обороны противника является результатом длительной и систематической работы офицера-разведчика. Такая кропотливая и, казалось бы, «скучная» работа имеет в конечном счете огромное значение при переходе наших войск в наступление. Чем лучше разведана полоса обороны противника, тем меньше потерь понесут наши войска, тем легче нашим разведывательным группам действовать при захвате пленных.

Если дивизионные и полковые офицеры-разведчики выясняют главным образом устройство оборонительных сооружений противника на его переднем крае, то при допросах в штабах корпусов и армий, помимо проверки и обобщения показаний, полученных в нижестоящих штабах, выясняется, какие оборонительные сооружения имеются у противника в его ближнем тылу. Захват пленного, которому известны такие сведения, — явление редкое и случайное. Подобными сведениями могут иногда обладать пленные, проведенные долгое время в ближнем тылу, находившиеся в запасном батальоне дивизии или на формировочном пункте.

Немецкое командование часто направляло солдат из «батальонов выздоравливающих» для несения караульной службы или назначало их надсмотрщиками на окопные работы, производившиеся в глубине немецкого тыла. Попад в плен, эти солдаты показывали, где, когда и какими силами производилось строительство оборонительных рубежей.

В некоторых случаях сведения о тыловых оборонительных рубежах можно было получить от пленных, которые прибыли с новым пополнением и в пути следования видели, где велись оборонительные работы.

Система огня противника и взаимодействие огневых средств выясняются и уточняются офицером-разведчиком в звене полк — дивизия. В штабах корпуса и армии эти данные только проверяются и обобщаются. Подобно тому как уточняются оборонительные сооружения противника, выяс-

нение его системы огня в период оборонительных боев достигается методом постепенного накопления и суммирования полученных в разное время сведений. Только в том случае, когда в плен захвачен командир подразделения (роты), можно сразу выяснить систему огня противника на участке подразделения. Рядовой состав никогда не знает систему огня в целом, поэтому нельзя рассчитывать на установление ее только на основании сведений, полученных при допросе пленных солдат.

При выяснении огневых средств противника необходимо уточнить расположение запасных огневых позиций.

Полученные в результате каждого отдельного допроса сведения наносятся офицером-разведчиком на карту или схему.

РАСПОЛОЖЕНИЕ И ХАРАКТЕР ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Пример

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>Оборона 197 пп и 1/198 пп состоит из прерывистой траншеи полного профиля с открытыми пулеметными площадками, отстоящими одна от другой на 100—200 м. На выс. 197,5 100 м южнее оз. Готер-Зее имеется ДЗОТ с перекрытием из пяти накатов и земли. Далее к югу до моста через р. Марлин ДЗОТ и ДОТ нет. 60 м юго-западнее моста в качестве ДОТ приспособлены развали-</p>	<p>Оборона 197 и 1/198 пп состоит из прерывистой траншеи полного профиля с открытыми пулеметными площадками, отстоящими одна от другой на 100—200 м.</p> <p>На командных высотах имеются ДЗОТ. В отдельных местах впереди траншеи установлено проволочное заграждение типа «немецкий забор» и спираль Бруно. Подходы к местности минированы противопехотными и противотанковыми минами.</p> <p>Противник продолжает совершенствовать занимаемый рубеж</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>ны основания сгоревшей мельницы. На участке 3 роты 198 пп (иск. Раковкен—иск. Рогайнен) в 70 м впереди траншеи установлено проволочное заграждение в три кола типа «немецкий забор». В ночь на 8.2.45 предполагается дополнительно установить в непосредственной близости к траншее спираль Бруно. В настоящее время в ночные часы производятся работы по установке проволочных заграждений перед всеми подразделениями 197 пп и 1/198 пп. В 30—40 м впереди траншеи на участке Рогайнен-Пленен имеются минные поля, расположенные следующим образом: вдоль северо-восточной опушки леса, что южнее отм. 61,4, — цементные мины; по восточной опушке этого же леса — деревянные мины; по восточной опушке малой квадратной рощи — цементные мины. Цементные мины уложены в два ряда; расстояние между рядами 4—8 м; расстояние между минами 1,5—2 м. Расстояние между полями</p>	<p>ны основания сгоревшей мельницы. На участке 3 роты 198 пп (иск. Раковкен—иск. Рогайнен) в 70 м впереди траншеи установлено проволочное заграждение в три кола типа «немецкий забор». В ночь на 8.2.45 предполагается дополнительно установить в непосредственной близости к траншее спираль Бруно. В настоящее время в ночные часы производятся работы по установке проволочных заграждений перед всеми подразделениями 197 пп и 1/198 пп. В 30—40 м впереди траншеи на участке Рогайнен-Пленен имеются минные поля, расположенные следующим образом: вдоль северо-восточной опушки леса, что южнее отм. 61,4, — цементные мины; по восточной опушке этого же леса — деревянные мины; по восточной опушке малой квадратной рощи — цементные мины. Цементные мины уложены в два ряда; расстояние между рядами 4—8 м; расстояние между минами 1,5—2 м. Расстояние между полями</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>15–50 м. Протяженность каждого минного поля 200—300 м.</p> <p>Деревянные мины уложены в 4 ряда; расстояние между рядами 0,5 м, между отдельными минами 1 м; протяженность каждого поля деревянных мин — 24—50 м, глубина поля 1,5 м.</p> <p>По обе стороны шоссе, ведущего из Гурнен в Буткунен, на участке восточнее моста (ныне взорванного), 400 м южнее Гельвенден, имеется минное поле протяженностью 100 м и глубиной 8 м. Мины противотанковые деревянные, уложены в шахматном порядке в 4 ряда; расстояние между рядами 2 м.</p>	

Приведенный нами пример допроса о расположении и характере оборонительных сооружений примечателен тем, что объем первичного допроса в полку (дивизии) значительно шире и обстоятельнее полного допроса. Такая тщательность первичного допроса объясняется необходимостью для полка (дивизии) знать до мелочей полосу обороны противника, на которой придется вести наступление. Для выше-

стоящих соединений такая детализация не нужна; в случаях, когда в этом возникает надобность, вышестоящие штабы могут получить необходимые сведения в штабе дивизии. Кроме того, штабы корпусов и армий в установленные сроки получают данные о полосе обороны противника в виде отчетных карт, схем и пр.

Пополнения и потери — очень серьезный фактор, позволяющий судить об усилении или ослаблении сопротивления противника, о его планах и людских ресурсах.

Определение полученных противником пополнений и понесенных им потерь — неотъемлемая часть всякого допроса в любой инстанции. Чем тщательнее и всестороннее проверяются сведения о потерях и пополнении, тем ближе к истине будут результаты. Определение потерь — очень сложная задача, так как пленный, который в данном случае является одним из немногих источников информации, никогда не может точно определить цифру потерь, происшедших в результате боевого столкновения, артиллерийского обстрела или действия авиации. Показания пленного о потерях — материал сомнительный и требующий критической оценки. С одной стороны, испуганный фактом захвата в плен, пленный старается преувеличить потери собственных войск, надеясь тем самым «снискать благоволение» допрашивающего, с другой стороны, пленный, несомненно, будет отговариваться незнанием — он, мол, только солдат, а это дело офицеров.

Гораздо легче выяснить вопрос о пополнении; любой солдат знает, сколько новых людей прибыло в его взвод за последнюю декаду или неделю, потому что каждый новый человек приносит с собой из тыла нечто новое и вызывает к себе интерес.

ПОПОЛНЕНИЕ И ПОТЕРИ

Пример

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>С 7.2 по 15.2.44 потери 1 роты 121 пп составляют только 29 человек убитыми и ранеными. Наибольшие потери рота понесла от минометного огня.</p> <p>За этот же период рота получила пополнение в количестве 9 человек. Одновременно пополнены 2 и 3 роты 1/121 пп. Всего 1/121 пп получил пополнение в 29 человек.</p>	<p>Потери 1/121 пп 50 пд с 7.2 по 15.2.44 определяются в количестве 29 человек и пополнены за счет маршевой команды 65/11, прибывшей 25.1.44 из 50 запасного батальона, дислоцирующегося в Губен.</p> <p>Маршевая команда 65/11 была отправлена из Губен 19.1.44 по железной дороге в составе железнодорожного эшелона, перевозившего неизвестное пленному артиллерийское подразделение.</p> <p>Маршевая команда 65/11 состояла из солдат, находившихся на излечении в тыловых госпиталях, и незначительного числа вновь призванных по тотальной мобилизации. Численность маршевой команды 90 человек. На ст. Прейсиш-Айлау вагоны, перевозившие маршевую команду, были отцеплены от эшелона и направлены с военно-пассажирским поездом до ст. Тауроген. Дальнейшее направление эшелона, перевозившего артиллерийское подразделение, пленному неизвестно.</p> <p>От ст. Тауроген до места расположения 50-го полевого запасного батальона (г. дв. Вильмерис, 2 км южнее м. Юрбург) маршевая команда следовала на попутных автомашинах.</p> <p>Во время следования по железной дороге от ст. Губен до ст. Тауроген по маршруту (по возможности, перечисляется наименование железнодорожных узловых станций, через которые двигался эшелон) пленный видел значительное движение воинских эшелонов, перевозивших танковые части в направлении с юга на северо-восток. Эшелоны, перевозившие танки и их экипа-</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
	<p>жи, отправлялись со станций вне очереди.</p> <p>Пленный предполагает, что танковые части перебрасывались с южного фронта. Солдаты-танкисты на станциях меняли румынские сигареты на немецкие, так как им надоело курить румынский табак.</p> <p>Типы танков пленному неизвестны, так как они были закрыты брезентовыми чехлами, но, судя по размерам, это были средние танки.</p>

Выяснять вопрос о пополнениях следует систематически по мере захвата пленнных; сведения о них отмечаются в карте учета противника.

При первичном допросе офицер-разведчик стремится узнать только основные сведения о пополнении. На полном же допросе необходимо получить исчерпывающие сведения особенно в том случае, если захваченный пленный сам принадлежит к новому пополнению. При полном допросе надо выяснить не только численность пополнения, но и маршрут его движения, распределение по подразделениям, личный состав и ряд иных данных, могущих дать четкое представление о том, какой контингент поступает в качестве пополнения.

Приведенный пример показывает, что в данном случае имеется обычное пополнение, присланное из запасного батальона, и что противник поддерживает численный состав своих подразделений на одном уровне. Задача офицера-разведчика вести учет маршевой команды, которую мы обозначили № 65/11, и в дальнейшем, когда будет захвачен новый пленный, уточнять, не поступало ли новое пополнение после 25 января 1944 г. и каков был номер маршевой команды.

Данное пополнение ничем не примечательно, но обращает на себя внимание совершенно иной факт — подтягивание противником танковых соединений с южного фронта на северный. Задача офицера-разведчика развить допрос в таком направлении, чтобы до мельчайших подробностей выяснить количество и характер вооружения перебрасываемых танковых соединений. В данном случае не подлежит сомнению, что танковые части перебрасываются из Румынии, и деталь с румынскими сигаретами не должна ускользнуть от внимания офицера-разведчика. Но для того чтобы иметь обоснованное суждение по этому вопросу, недостаточно одного факта с обменом сигарет. Важно выяснить, является ли факт такого обмена единичным или это характерно для всех эшелонов.

Допрос пленного, принадлежавшего к такому пополнению, имеет большую ценность и требует от офицера-разведчика пристального внимания и кропотливой работы. Такой пленный должен допрашиваться в аппарате начальника разведки армии или фронта. Допрашивать его в штабах действующих соединений, которые не могут проверить правильности показаний пленного, не нужно.

Если для первичного допроса совершенно достаточно выяснить время прибытия и количество полученного подразделения (частью) противника пополнения, то при полном допросе необходимо определить (если это позволяет обстановка) характер и состав пополнения.

Пример

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
3-я рота 79 пп понесла тяжелые потери в связи с непрерывными боями в районе дер. Розенталь. Численность 2-	79 пп получил 20.3.45 пополнение в количестве до 200 человек. Это пополнение распределено между двумя батальонами 79 пп; из них 1/79 пп получил до 80 человек. 120 человек дополнили 2/79 пп, находя-

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
го взвода на 20.3.45 не превышала 11 человек. Общая численность роты до 35 человек. 20.3.45 рота была пополнена до 90 человек за счет маршевого пополнения, прибывшего из полевого запасного батальона 21 пд, дислоцирующегося в Хайлигенкрейц. К составу маршевого пополнения принадлежал и пленный. Всего прибыло на пополнение около 200 человек, которые были распределены между двумя батальонами 79 пп. Наибольшее число вновь прибывших поступило на пополнение 2-го батальона, который выведен во вторую линию для переформирования. Из числа направленных в 1-й батальон наибольшее пополнение получила 3-я рота (55 человек). Как были распределены остальные, пленный не знает. Всего 1-й батальон получил 20.3.45 не больше 80 человек.	щийся во второй линии на переформировании. Пополнение поступило из полевого запасного батальона 21 пд, дислоцирующегося в Хайлигенкрейц. Контингент пополнения — досрочно призванные в Восточной Пруссии лица рождения 1927 г. и рабочие военных заводов, ранее пользовавшиеся отсрочкой по мобилизации. Среди солдат имеется значительное число непригодных к военной службе. Имеется незначительное число солдат, находившихся в отпуске после ранения. По заявлению пленного, все солдаты, находящиеся в отпуске, независимо от степени излеченности, обязаны явиться немедленно в районные военные комендатуры. Пополнение прошло краткое военное обучение и 21-м полевым запасным батальоном. Срок подготовки солдат-пехотинцев от 7 до 12 дней. Солдаты обучались стрельбе из винтовок, гранатометанию и отрывке окопов. Обучение производилось унтер-офицерским составом 21-го полевого запасного батальона. Лица, ранее служившие в армии, обучения не проходили. Большинство вновь обученных плохо владеет стрелковым оружием. В пути следования от Хайлигенкрейца до дер. Розенталь пленный видел производство силами местного населения и «фольксштурма» окопных работ. Точного места ведения окопных работ пленный указать не может.

Такое показание пленного достаточно убедительно характеризует качество полученного пополнения, а следовательно, и его боеспособность. Кроме того, имеются налицо доказательства досрочного призыва молодых возрастов лиц, работавших на военных заводах. Это свидетельствует о напряженном положении у противника с людскими ресурсами. Внимательный офицер-разведчик (а таким обязан быть каждый из них) обратит внимание на то, что пополнение для 79-го пехотного полка прибыло из 21-го полевого запасного батальона 21-й пехотной дивизии, в состав которой 79-й пехотный полк не входит. В этом случае у офицера-разведчика возникнут сомнения, которые он обязан выяснить путем повторного допроса пленного об организации соединения, куда входит 79-й пехотный полк. Вероятнее всего, что пленный не знает организации своего соединения и спутал нумерацию полевого батальона, который фактически носил другой номер.

Захват пленного, принадлежащего к инженерным частям РКК, представляет интерес по тем соображениям, что части РКК чаще всего встречаются на участках фронта, прочная оборона которых высоко расценивается командованием противника и потому требует усиления оборонительных сооружений. Инженерные части РКК используются для строительства вторых полос обороны. В силу этих обстоятельств при полном допросе необходимо выяснить назначение, состав, вооружение и техническое оснащение инженерных частей РКК. Из допроса пленного, принадлежащих к инженерным частям РКК, можно установить наличие ложных фортификационных сооружений, их характер и месторасположение.

В ходе Великой Отечественной войны наличие ложных фортификационных сооружений у противника резко изменялось в соответствии с ходом военных событий. С переходом Советской Армии в наступление немцы не успевали строить и совершенствовать основные (фактические) оборонительные рубежи и отказались от строительства лож-

ных укреплений. Однако в течение 1943 г. и половины 1944 г. вопрос о наличии ложных фортификационных сооружений выяснялся разведчиками Советской Армии со всей тщательностью, и во многих случаях это приносило большую пользу.

При допросе пленного, принадлежащего к инженерным частям РКК, должны тщательно устанавливаться обстоятельства захвата в плен, так как в оборонительных боях присутствие на переднем крае подразделений инженерных частей РКК обычно обуславливается какими-либо особыми причинами.

Все общие вопросы (личные данные, прохождение службы, обстоятельства захвата в плен и пр.) выясняются в обычном порядке. Выяснение специальных вопросов производится только в штабе корпуса или армии с участием специалистов; такой допрос ведется после того, как офицер-разведчик получит все сведения, интересующие его в разрезе задач, поставленных командованием войсковой разведке.

ПРОТОКОЛ № _____

ДОПРОСА ВОЕННОПЛЕННОГО ОБЕР-ЕФРЕЙТОРА 2-й РОТЫ 268-го САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА РКК ГЕНРИХА КОНРАД, ЗАХВАЧЕННОГО 13.9.43 В РАЙОНЕ 300 м ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ КАЛИНОВКА

(карта 100 000)

Пример

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк-дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус-армия)
1. Обер-ефрейтор Генрих Конрад принадлежит ко 2-й роте 268-го саперного батальона РКК. Полевая почта 44007-с.	1. Обер-ефрейтор Генрих Конрад родился в 1909 г. в городе Ростбург (Пурская область) Образование — 8 классов народной школы. До призыва в армию — горнорабочий. Семейное положение — холост.

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
	<p>В армию призван в августе 1939 г. Военную подготовку проходил в 68-м учебно-саперном батальоне, дислоцировавшемся в г. Эссен. В октябре 1940 г. направлен в 18-й саперный батальон 18 пд. Принимал участие в бельгийской и французской кампаниях. На советско-германском фронте с июля 1941 г. в составе 18-го саперного батальона 18 пд. С декабря 1941 г. по июнь 1942 г. находился на излечении в Саарбрюккен. С июня по август 1942 г. находился в 68 учебно-запасном саперном батальоне в г. Штейнметд. В связи с расформированием 68 учебно-запасного батальона направлен в 268 саперный батальон РКГ, где и служил с августа 1942 г. (прохождение службы подтверждается записями в личных документах). Полевая почта 268 саперного батальона РКГ 44007-с.</p>

2. Обстоятельства захвата в плен

Пленный захвачен в районе южных скатов выс. 101,9, 300 м юго-восточнее Калиновка (карта 100000), нашей разведывательной группой.

В ночь на 13.9.43 отделение 2 роты 268 саперного батальона РКГ получило задание на установку минных заграждений в районе южных скатов выс. 101,9, 300 м юго-восточнее Калиновка. В пути к месту работы отделение подверглось нападению со стороны группы русских солдат, которые выскочили из кустов, прилегающих к дороге. Обер-ефрейтор Конрад был оглушен ударом в голову и захвачен в плен.

3. Боевой и численный состав, организация и вооружение

2-я рота 268 саперного батальона РКГ придана с 2.9.43 150 саперному батальону 50 пд и используется для ми-

268 саперный батальон РКГ состоит из трех саперных рот, одной легкой саперной колонны (инженерный парк) и мостовой колонны типа «В».

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>нирования танкодоступных мест на участке 122 пп. Численный состав роты до 150 человек.</p>	<p>Саперные роты имеют по три взвода, звено управления и обоз. Численность саперных рот до 150 человек каждая. Легкая саперная колонна представляет собой подвижный инженерный парк саперного имущества (мины, колючая проволока, подрывные средства, механические пилы, компрессоры, приборы для автогенной резки и пр.). Численность легкой колонны до 150 человек.</p> <p>Мостовая колонна состоит из двух понтонных взводов, вспомогательного взвода и автоколонны.</p> <p>Численность мостовой колонны до 170 человек.</p> <p>Общая численность 268 саперного батальона РКГ до 800 человек.</p> <p>До 1.9.43 батальон находился в распоряжении 49 ак и использовался на постройке оборонительного рубежа, носившего условное название «Татьяна». Этот рубеж проходит по восточной окраине г. Темрюк, далее к югу в направлении Петропавловской, вдоль левого берега р. Голубая. До начала сентября была отрыта сплошная траншея с примыкающими к ней землянками для размещения солдат и открытые пулеметные гнезда. В отдельных местах установлено проволочное заграждение в три кола. В танкодоступных местах сооружен противотанковый ров. Берега р. Голубая эскарпированы. Местность между Анастасиевка и Петропавловское искусственно заболочена путем разрушения осушительной системы и подрыва плотины в районе Ильичевское. Местность проходима только в районе 200 м севернее безымянной рощи (2 км юго-восточнее Анастасиевка).</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>На расстоянии 2—2,5 км от переднего края сооружается силами 150 саперного батальона и 2/268 саперного батальона РГК оборонительный рубеж, носящий название «А». Этот рубеж проходит по восточным скатам выс. 101,9, в районе отм. 87,8 (3 км южнее Калиновка, вдоль западного берега р. Дунайка в направлении Мальей Затон. Оборонительный рубеж состоит из ряда опорных пунктов, отстоящих один от другого на 300—500 м. Каждый опорный пункт представляет собой отрезок траншеи полного профиля длиной до 50 м с закрытыми пулеметными гнездами на обоих концах траншеи. Впереди тран-</p>	<p>Строительство рубежа не закончено. С 1.9.43 строительство рубежа «Татьяна» прекращено, и рабочие отряды из местного населения (численностью до 3 тысяч человек) спешно отправлены в направлении Ахтанизовский лиман.</p> <p>2.9.43 2-я рота 268 саперного батальона РГК была придана 150 саперному батальону 50 пд, производившему инженерные работы по совершенствованию оборонительных рубежей «А» и «В».</p> <p>Оборонительный рубеж «А» проходит на расстоянии 2—2,5 км от переднего края и представляет собой ряд опорных пунктов, отстоящих один от другого на 300—500 м.</p> <p>Рубеж «А» проходит по восточным скатам выс. 101,9 и далее к югу вдоль западного берега р. Дунайка. На восточном берегу р. Дунайка имеются минные поля.</p>

ПЕРВИЧНЫЙ ДОПРОС (полк—дивизия)	ПОЛНЫЙ ДОПРОС (корпус—армия)
<p>шей, в 15—18 м, установлено проволочное ограждение типа спирали Бруно. Промежутки между опорными пунктами предполагается минировать. Пленному известно о наличии минных полей из противотанковых мин по обеим сторонам шоссе на дороге от Калиновка до отм. 87,8. Мины установлены на отдельных участках размером 300 x 30 м.</p> <p>В районе восточнее Алапаевка в направлении железной дороги до р. Протока сооружается оборонительный рубеж «В». На строительстве рубежа работают 2-я и 3-я роты 150 саперного батальона РГК. Помимо войсковых частей, на строительстве работает местное население в количестве до 400 человек.</p> <p>Рубеж «В» представляет собой прерывчатую траншею полного профиля с примыкающими к ней пулеметными гнездами открытого типа. В настоящее время рубеж войсками не занимает.</p>	<p>Восточнее Алапаевка в направлении железной дороги до р. Протока сооружается оборонительный рубеж под наименованием «В». Строительство не закончено. Рубеж «В» сходен с рубежом «А» и представляет собой промежуточный оборонительный рубеж.</p>

В Великой Отечественной войне по мере развития наступления советских войск неуклонно возрастало значение опроса местного гражданского населения. Разумеется, гражданские лица, если они не оказывают вооруженного сопротивления, не могут рассматриваться как военнопленные. Наибольший интерес для опроса представляют местные жители, которые привлекались противником для строительства тыловых оборонительных рубежей, аэродромного строительства или для выполнения специальной повинности (грузевых перевозок, погрузочных работ и т. д.). Такие лица могут знать о степени развития и готовности тыловых оборонительных рубежей противника на том или ином участке (районе), характере оборонительных сооружений, наличии минных полей и заграждений, о сосредоточении артиллерии и танков и пр.

Гражданские лица, привлекавшиеся для выполнения грузевой повинности, могут с достаточной достоверностью показать, куда и какой груз они возили, в каком направлении и какими техническими средствами противник производит эвакуацию имущества, материальной части и раненых, много ли грузов и раненых скопилось на эвакуационных и перевалочных пунктах, что они наблюдали по дороге и пр.

Чрезвычайно ценными могут быть показания местных жителей о настроении гражданского населения в тылу противника, о наличии растерянности, неуверенности и паники.

Умелый опрос гражданского населения может дать очень ценные сведения для офицера-разведчика. Не следует задавать гражданским лицам вопросов, на которые они в силу ряда причин не могут ответить. Например, далеко не каждый местный житель может знать о системах орудий и т. п.

Вопросы должны быть простыми, четкими и понятными для лица, от которого хотят получить информацию.

При опросе гражданских лиц особенно важно учитывать склонность людей к преувеличениям, в силу ряда причин, связанных с условиями прифронтовой полосы.

Зачастую опрашиваемое гражданское лицо назовет орудия, которые он видел, «огромными», исчислит войска противника «сотнями тысяч», скажет, что танков скопилось «видимо-невидимо» и т. д. Для того, чтобы хотя немного приблизиться к истине, офицер-разведчик должен рядом простых и метких вопросов и сравнений снизить «полет фантазии» очевидца. Офицер-разведчик не может принимать на веру все показания местных жителей, так как иначе он введет в заблуждение свое командование. Но вместе с тем он не имеет права пренебрегать сведениями, например, о наличии у противника танковых, артиллерийских и прочих средств, о чем ему могут сообщить опрашиваемые гражданские лица.

Опрос местных жителей и других лиц гражданского населения осуществляется в первую очередь офицерами-разведчиками полка и дивизии, особенно в условиях наступательных действий. В штабах корпуса и армии опрос гражданского населения ведется реже, так как показания местных жителей представляют интерес главным образом для действующих частей.

ПОЛИТИКО-МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

Оценка политико-морального состояния частей и соединений противника является составной частью полного допроса пленного. Правильная оценка политико-морального состояния врага дает возможность нашему командованию судить о боеспособности противостоящих частей.

Неправильно полагать, что выяснением политико-морального состояния частей противника должны заниматься лишь политические органы Советской Армии. Вполне понятно, что политические органы шире и глубже выясняют эти вопросы и периодически информируют соответствующих начальников разведки о полученных ими сведениях. Однако это не снижает роли офицера-разведчика в установлении политико-морального состояния противника. Прежде всего его интересует состояние дисциплины в войсках противника. В качестве доказательства того или иного утверждения о политико-моральном состоянии противника при даче сведений в высшие инстанции необходимо приводить конкретные примеры, характеризующие состояние морального уровня противника. Нельзя отделяться общими фразами вроде: «политико-моральное состояние приличное» или «так себе». Подобные формулировки безграмотны во всех отношениях.

Офицер-разведчик, выясняя политико-моральное состояние войск противостоящего противника, должен очень строго и критически подходить к оценке фактов, сообщаемых по этому вопросу пленными. Допрашивающий обязан уметь отличать субъективные оценки пленного от действи-

тельного положения вещей. Оценка политико-морального состояния войск противника — серьезная задача, которую надо разрешать не в плане погони за сенсационным материалом, а на основании глубокого и серьезного анализа фактов.

Производя допрос в части, касающейся политико-морального состояния, офицер-разведчик не имеет права поддаваться настроениям пленного, которому почти всегда кажется, что с момента захвата его в плен все пошло прахом.

Только при тесном общении и дружной совместной работе офицеров-разведчиков с представителями политических органов Советской Армии можно дать ясную и четкую картину политико-морального состояния войск противника.

РАЗБОР ТРОФЕЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В своей практической деятельности офицер-разведчик постоянно сталкивается с документами, захваченными у противника (трофейными). Это прежде всего личные документы пленных или убитых, изъятые во время обыска или подобранные на поле боя.

Наличие этих документов помогает уточнить группировку противника, т. е. подтвердить, что на данном участке действует воинская часть, носящая такой-то номер.

Личные документы пленного в большинстве случаев помогают определить, действительно ли данный пленный является тем лицом, за которое он себя выдает. В некоторых случаях офицер-разведчик может столкнуться с таким фактом, как использование пленным фальшивых документов, но это возможно лишь тогда, когда он является агентом вражеской разведки, засланным в наш тыл.

Определение подлинности документов представляет трудную задачу. Легче всего ее решают офицеры-разведчики, имеющие достаточный навык в допросе пленных и систематически изучающие противостоящего противника. Если офицер-разведчик планомерно и внимательно изучает противника, знает его офицерский состав по показаниям ранее допрошенных пленных, своевременно обратил внимание на ряд особенностей, свойственных тому или иному подразделению или части противника, и запомнил эти особенности, то посредством умело поставленных вопросов он всегда сможет установить, действительно ли пленный принадлежит к той части (подразделению), которая указана в его документах.

Во время боев западнее Цитовяны в августе 1944 г. линию фронта перешел перебежчик обер-ефрейтор 551-й пехотной дивизии немцев. На допросе он заявил, что до 1933 г. принадлежал к германской коммунистической партии, отбывал наказание в гитлеровских лагерях, подвергался репрессиям и ожидал удобного случая, чтобы перейти на сторону Советской Армии. Этот пленный обратился к советскому командованию с просьбой разрешить ему выступить по радио с призывом к своим товарищам о переходе на сторону Советской Армии. Более того, он изъявил согласие на любые формы агитации среди немецких солдат, вплоть до обратного перехода через линию фронта, если только советское командование найдет это нужным. Пленный был в общем порядке подвергнут обыску и тщательному допросу. При обыске у него был обнаружен фотопортрет В. И. Ленина, который, по рассказам пленного, он хранил как реликвию с догитлеровских времен. В своих красочных по форме показаниях пленный подробно рассказал, как он в течение одиннадцати лет сохранял тот портрет, рискуя своей жизнью и благополучием семьи.

Все личные документы пленного были в полном порядке, все записи сделаны правильно, а имевшиеся при нем письма были адресованы на его имя по правильному номеру полевой почты.

Личные показания пленного носили уверенный характер; они не представляли особого интереса для советского командования, так как он был слабо осведомлен в военных вопросах и во время допроса непрерывно «сползал» на политические темы.

Офицер-разведчик Н-ской стрелковой дивизии сделал вывод что данный пленный является типичным перебежчиком из числа антифашистски настроенных немцев.

При допросе пленного в штабе Н-ского стрелкового корпуса, где он повторил свои первоначальные показания, офицер-разведчик обратил внимание на письма, адресованные ему. Письма, безобидного и личного содержания, были

написаны от имени его жены и датированы различными числами в пределах апреля—августа. Это обстоятельство немедленно вызвало справедливое подозрение корпусного офицера-разведчика, так как он знал, что 551-я пехотная дивизия была сформирована только после июльского покушения на Гитлера; следовательно, до июля 1944 г. пленный не мог получать писем по этому номеру полевой почты. Более детальное ознакомление с письмами привело еще к одному важному наблюдению: все письма, несмотря на различные даты, указанные в тексте, имели одну дату почтового штампа на конвертах.

Благодаря такой наблюдательности офицера-разведчика Н-ского стрелкового корпуса и знанию им своих обязанностей был разоблачен агент немецкой разведки. Впоследствии от него удалось получить ряд ценных сведений.

В октябре 1943 г. во время боев на рубеже р. Молочная линию фронта перешел солдат одного из пехотных подразделений 79-й пехотной дивизии немцев.

Пленный объяснил свой переход линии фронта личными мотивами: «Желает сохранить свою жизнь во имя своей семьи». Он подчеркивал, что в политической жизни активен не был, во время войны в русских не стрелял и ограничивался стрельбой в воздух, доказывал, что религиозные убеждения не позволяют ему убивать людей и т. д.

Показания пленного о составе его подразделения соответствовали действительности: пленный безошибочно назвал фамилии командира роты, батальона, полка, правильно указал номер полевой почты, сумел ответить на все вопросы.

Проверка личных документов и находившихся при пленном бумаг не вызвала подозрений, за исключением одной детали: при проверке документов офицер-разведчик обратил внимание на то, что солдатская книжка пленного снабжена его фотографией, в то время как в 1943 г. фотографии на солдатских книжках имелись только у солдат, прибывших на пополнение из тыла. Между тем пленный утверждал, что

в своем подразделении он служит давно и в отпуске с 1942 г. не был. На вопрос, у всех ли солдат его подразделения личные удостоверения снабжены фотографиями, пленный ответил утвердительно; офицеру-разведчику же было известно, что у ранее захваченных пленными, принадлежавших к тому же подразделению, солдатские книжки не имели фотографий. Это обстоятельство дало офицеру-разведчику повод для дальнейшего допроса пленного, в результате которого выяснилось, что это был специалист-подрывник, направленный немецкой разведкой в советский тыл. Пленный показал, что его задачей было попасть в дальние лагеря, где он должен был сформировать диверсионную группу и организовать ее побег с целью совершения диверсионных актов.

Такие явления могут встречаться при допросе пленных, поэтому от офицера-разведчика требуется большая тщательность при проверке всех их личных документов.

Очень часто приходится слышать, что недостаток времени мешает офицеру-разведчику знакомиться с личной перепиской пленных. Бесспорно, чтение писем отнимает много времени, особенно если учесть неразборчивость почерков и нередко путаную манеру изложения.

Нельзя требовать, чтобы офицер-разведчик читал все письма, отобранные у пленных. Однако в аппарате начальников разведки корпусов и армий, где пленный подвергается полному допросу, чтение или хотя бы краткий просмотр этих писем обязателен. При первичном допросе чтение или просмотр писем обязательным не является.

Письма очень часто служат прекрасным источником сведений о состоянии тыла противника. В отдельных фразах, ускользнувших от внимания военной цензуры противника, встречаются очень ценные сведения, которые помогают офицеру-разведчику судить о состоянии тыла противника, о господствующих там настроениях и моральном состоянии населения.

Офицер-разведчик обязан помнить, что боевой дух армии противника всегда зависит от настроений тыла.

В октябре 1943 г., во время боев по ликвидации немецкой группировки в районе Таманского полуострова, у солдата 667-го пехотного полка, взятого в плен в районе Кучугуры, были изъяты письма, полученные им от родных, а также его последнее неотправленное письмо. Семья пленного состояла из трех братьев, двух сестер, отца и матери. Письма очень четко характеризовали положение в фашистской Германии и настроения в немецкой армии. Приводим переводы некоторых из этих писем.

*Гюнтеру Фельске
от брата, Хорста Фельске*

(Полевая почта 0570—в) 3.12.42

«Вчера я получил из дома первое письмо, благодаря которому мне удалось напасть на твой след. Поверь, я просто обалдел, узнав о том, что ты стал солдатом. Я был уверен, что уж для тебя твоя фирма сумеет получить броню. Ты — и вдруг солдат! Да еще в России! С ума спянуть можно... Скажи, тебя хоть по крайней мере обучили чему-нибудь? Или ты будешь обучаться в России? Я слышал, что теперь новобранцев обучают прямо на территории противника... Что ты скажешь по поводу гибели Герберта Заука? Я думаю, что к концу этой войны мы не досчитаемся многих друзей. Суровая война! И лишь по ее окончании мы многое узнаем».

Гюнтеру Фельске от сестры Эльзы

Берлин, 7.1.43

«...Выслушай, дорогой Гюнтер, печальную новость:

Фильдс убит... Это так страшно, что трудно себе представить. Но это надо перетерпеть, так как другого исхода нет. Когда-нибудь эта война окончится...»

Ему же от сестры Эльзы

Берлин, 19.1.43

«...У нас в субботу и воскресенье были воздушные тревоги. Обе в половине восьмого вечера, и каждый раз они

продолжались по два часа. Были сброшены зажигательные бомбы, и наш район пострадал. Больница Урбана сгорела.

Левая половина дома №18 по нашей улице рухнула. По Блюхерштрассе нет ни одного дома с целыми стеклами. Район Халлешес Тор стал пустыней. В Дейчландзал тоже попало. Купол провалился как раз во время спектакля. Сколько там было человеческих жертв — не знаю. Говорят, будто посетителей успели во-время выпустить. Скажу прямо, это был ужасный вечер... А в воскресенье мы снова сидели в подвале, но на этот раз бомбили другой район.

Правда, в бомбардировке ничего хорошего нет, но все же не следует из-за нее терять головы...»

Ему же от сестры Эльзы

Берлин, 23.2.43

«...Дорогой Гюнтер, мне снова надо поступать на работу, так как все бездетные женщины теперь обязаны работать во имя обеспечения победы. Это позволит призвать на военную службу всех мужчин. Я согласна итти работать, лишь бы война была выиграна.

Надеюсь, ты жив и здоров. Знаешь ли ты, что Пауль из дома №33 убит под Сталинградом?..».

Ему же от матери

Берлин, 4.3.43

«...Второго марта на Берлин был ужасающий налет. Пожалуй, самый большой из всех, которые мы до сих пор пережили. Все дома по Шипкештрассе, Гоберштрассе и Биркештрассе сгорели или рухнули. Люди еще до сих пор завалены в подвалах. Они пытаются вылезть оттуда, но напрасно. Как это страшно и печально! Берлин и его предместья жутко пострадали и опустели.

...Сегодня в пять часов вечера снова прилетал их разведчик. Сейчас, когда приблизился вечер, мы с ужасом ожидаем воя сирены. Думаю, что нам предстоит много пережить!»

Ему же от сестры Эльзы

Берлин, 6.3.43

«...Ты, вероятно, знаешь, что произошло в Берлине? Все закрыто. Рестораны, кафе, все, все!.. То, что не служат интересам войны, — закрыто. Весь персонал этих предприятий должен начать работать на оборону. Повсюду призвали тех, кто ранее не был мобилизован. Во вторник и среду снова были воздушные налеты. Ах, если бы наши воздушные силы поскорее освободились на востоке!»

Ему же от брата

Из-под г. Орел, 9.4.43

«...Теперь расскажу о себе, так как за это время мне пришлось участвовать в ряде боев и переходов. Ты, вероятно, уже слышал о больших изменениях на центральном фронте. Термин «сокращение фронта» для тебя, конечно, неясное понятие, но, между нами говоря, это гораздо неприятнее, чем наступление.

Сначала подготовка нашего отрыва от неприятеля проходила незаметно и блестяще. Но затем русские, через своих разведчиков, пронюхали день нашего отхода и начали, как бешеные, атаковать. Мы неоднократно отбивали их атаки, но русские начали бить из минометов всех калибров и нанесли нам огромные потери. Тогда началось наше отступление... Очень часто нам приходилось ночи напролет мерзнуть в открытом поле. Часто наседали на нас разъяренный! враг. Я неоднократно думал о том, что не сумею костей своих собрать, но у каждого человека есть свое счастье, а у солдата — особенное...».

Ему же от сестры

Берлин, 16.5.43

«...Страх тяготееет над нами. Теперь при малейшей тревоге подымается ужасающая стрельба...»

...С продовольствием стало очень туго. Сегодня в газетах напечатано, что норма мяса снова сокращается. Прямо не знаешь, из каких продуктов готовить в течение всей недели, если хочешь в воскресенье немного лучше пообедать. С жирами стало совсем плохо, а то бы я испекла для тебя печенье. Папирос мы стали получать еще меньше, всего 14 штук в неделю. У меня были 30 штук, я их тебе послала...»

Ему же от сестры

Берлин, 18.6.43

«...От Хорста мы получили известие, что он находится под Орлом и там наши войска жестоко страдают от русской авиации. Сегодня стало известно, что муж Евы находится в госпитале. Ему ампутировали руки... Вчера была воздушная тревога. Говорят, что сбито 34 бомбардировщика. В пятницу тоже был непродолжительный налет...»

Ему же от сестры

Берлин, 21.7.43

«Вчера мы получили ужасающее известие: наш любимый брат Хорст пал смертью храбрых. Мы все убиты горем...»

Ему же от сестры

Берлин, 3.8.43

«...Мы до сих пор не можем свыкнуться с мыслью, что наш Хорст не вернется.

Обо всем мы узнали 20.7.43, когда вечером вернулись домой. Я еще удивилась, что возле нашей двери собрались люди и что-то обсуждали. В дверях торчало письмо со штемпелем «погиб во имя великой Германии...» Потом раздался ужасный крик: это кричал отец. В эту ночь мы не сомкнули глаз. Следующий день был еще ужаснее, так как всякий и каждый считал нужным явиться выразить соболезнование.

Знаешь, дорогой Гюнтер, на нашей улице есть еще ряд убитых: 10 июля убит Хорст, 11 июля убит Грассов, 19 июля убит Вальтер Рутьстер. И все они убиты под Орлом. Грассов недавно окончил в Берлине офицерскую школу и уехал на восточный фронт. Через два месяца он был убит. Рутьстер был командиром танка и убит в бою с русскими. Эльзефы тоже в глубокой печали, они недавно потеряли сына. Молодой Гумилеус (ты помнишь этого мальчишку) убит под Орлом...»

Г-же Фельске от сына

(неотправленное письмо, изъятное у пленного) 4.10.43

«...Мы занимаем рубеж, который будем оборонять пару дней, после чего уйдем в Крым. Как вы знаете из газет, Кубанское предместное укрепление должно быть нами очищено, и сейчас отступление идет полным ходом. Поэтому мы пожираем все, что можем, а остальное уничтожаем, чтобы оно не доставалось русским. Мы вволю жрем шоколад и конфеты... Как видишь, отступление имеет свои хорошие стороны!»

Какие сведения добыл офицер-разведчик из этих писем? Во-первых, что обучение вновь призванных контингентов производится не в глубоком немецком тылу, а в непосредственной близости от фронта. Следовательно, качество подготовки этих контингентов невысокое.

Во-вторых, что известное «сокращение фронта» произвело тяжелое впечатление на немецких солдат.

В-третьих, что положение в глубоком немецком тылу напряженное в связи с непрерывными воздушными бомбардировками.

В-четвертых, что огромные потери, понесенные немецкими войсками под Орлом, произвели большое впечатление в немецком тылу.

В-пятых, что сокращение продовольственного рациона тяжело отозвалось на гражданском населении.

Предварительное ознакомление офицера-разведчика с этими письмами в значительной степени облегчило ему допрос пленного, у которого эти письма были обнаружены.

Перевод писем, изъятых у убитых или взятых во время массового захвата в плен войск противника, производится политическими органами Советской Армии. Однако это не освобождает офицеров-разведчиков от обязанности знакомиться с переводами, которые они должны получать от политических органов в порядке обмена информацией.

Изучение личных дневников и записных книжек пленных имеет большое значение для офицера-разведчика, производящего полный допрос. По этим документам легко определить круг интересов пленного, степень его наблюдательности и ряд личных особенностей.

Надо отметить, что немецкие солдаты, попадая в плен, зачастую пытались незаметно уничтожить или выбросить личные записные книжки и дневники. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы личные документы пленных изымались сразу же после захвата их в плен и препровождались вместе с ними по инстанции.

Уничтожение пленными дневников и записных книжек объяснялось в войне 1941—1945 гг. тем, что немецкое командование запрещало своим солдатам, находящимся на переднем крае, вести личные записи, которые могли бы представлять интерес для русской разведки. Довольно часто наблюдались случаи, когда немецкие солдаты зашифровывали текст или часть слов своеобразными шифрами. Чаще всего эти шифры были очень несложными и расшифровывались опытными офицерами-разведчиками с большой легкостью. Следует отметить, что это «зашифровывание» никогда не касалось крупных военных тайн, которые и не могли быть известны солдату или офицеру, находящемуся на переднем крае. Чаще всего зашифровывалась ругань по адресу правительства или командования; иногда зашифровывались разные интимные мысли или высказывания по поводу близких пленному людей. В некоторых случаях авторы дневников

применяли условные обозначения, разгадка которых не представляла трудностей для наблюдательного офицера-разведчика.

Расшифровка и разгадывание таких дневников не могут и не должны производиться в боевых условиях. Не следует терять на это времени. Если автор дневника, в котором имеются зашифрованные места, захвачен в плен и находится на допросе, то расшифровка производится им самим, причем нужно потребовать от пленного объяснения причин, побудивших его применить шифр. Такой метод себя полностью оправдал, так как пленный не рискнет вводить допрашивающего в заблуждение, а допрашивающий имеет полную возможность проверить правильность «шифровального ключа».

Помимо определения личных особенностей пленного, дневники представляют интерес, поскольку в них можно найти описание действий наших войск, оценку их деятельности, определение эффективности наших огневых средств.

Самый факт ведения пленным дневника показывает офицеру-разведчику, производящему допрос, что перед ним находится человек с повышенной любознательностью, старающийся по каким-либо соображениям сохранить в памяти события, участником, которых он является. Пленные, ведшие в армии дневники, как правило, оказывались хорошим источником информации. Поэтому при отборе пленных для допроса можно в некоторых случаях исходить из наличия у пленного записной книжки или дневника.

В ряде случаев перевести дневник практически невозможно из-за отсутствия времени. Правда, можно ограничиться беглым ознакомлением с его содержанием и использовать отдельные места для доклада своему командованию. Во время войны 1941—1945 гг. многие офицеры-разведчики жаловались, что они вынуждены иногда отказываться от чтения захваченных или изъятых документов из-за неразборчивости почерков. Такие жалобы справедливы, ибо практически на чтение и разбор отдельных мест иногда уходит гораздо больше времени, чем на перевод или ознаком-

ление с этими документами в целом. Для облегчения работы офицера-разведчика в следственных частях начальников разведки армий и фронтов практиковался простой и оправдавший себя способ: разбор неясного текста поручался кому-либо из вполне грамотных пленных (главным образом, из числа писарского состава), и они либо четко переписывали, либо вслух зачитывали текст. В штабах действующих соединений, не располагающих таким специальным органом по допросу пленных, как следственная часть, подобный метод разбора документов недопустим.

Помимо личных удостоверений (солдатских книжек), писем, дневников и записных книжек, у пленных могут оказаться и другие документы личного характера. К ним относятся всякие справки, удостоверения, пропуска, аттестаты, гражданские документы и личные фотографии. Некоторые документы могут иметь разведывательную ценность и подлежат отправке в вышестоящий штаб; остальные, если они носят сугубо личный характер; направляются вместе с пленным в лагерь.

Помимо личных документов, офицер-разведчик всегда имеет дело с трофейными документами, захваченными в результате боя частей или действий разведывательных подразделений. Во время наступления, когда наши части громят штабы противника, количество захваченных документов очень велико.

К числу этих документов относятся: карты с нанесенной на них обстановкой и без нее, оперативные документы, приказы, журналы боевых действий частей и соединений, инструкции, шифры, кодовые таблицы, уставы и наставления, текущая переписка и т. п.

Оперативные документы представляют интерес для действующих частей и соединений, если они включают свежий тактический материал. Если же они устарели, то перевод их не является необходимым, и они подлежат немедленной отсылке по инстанции в вышестоящий штаб.

Разбор трофейных документов должен производиться

простейшим способом, т. е. необходимо установить срок издания документа, кем данный документ издан и его краткое содержание. Если какие-либо документы не могут быть использованы командованием действующей части (соединения), то офицер-разведчик обязан снабдить каждый отсылаемый документ краткой припиской: «Захвачено такого-то числа, там-то», и отправить в вышестоящий штаб.

Трофейные карты должны являться предметом самого тщательного изучения, так как они могут помочь вскрыть группировку противника, состав ее, расположение его огневых средств, план операции. В ряде случаев по захваченной карте можно определить, что противник знает о наших войсках, о местах сосредоточения наших механизированных частей, расположении артиллерии и пр. Как правило, офицер-разведчик обязан доложить своему командованию все, что касается содержания нанесенных на карту обозначений. Если карта представляет интерес для командования соединения, то все сведения, почерпнутые из нее, переносятся на соответствующую схему или карту, подлинник же немедленно пересылается вышестоящему штабу. Во всех остальных случаях карта пересылается вышестоящему штабу без копии.

Трофейными документами исключительной важности являются кодовые таблицы и «ключи» для радиопереговоров, а также таблицы позывных и условных сокращений, если они продолжают действовать. При захвате таких документов офицер-разведчик в полку, дивизии и в корпусе не имеет права задерживать их у себя и обязан скорейшим способом переслать их по инстанции для практического использования радиоразведкой. Такие документы чаще всего изымаются при обыске у пленных радистов.

Война 1941—1945 гг. показала, что целесообразно освобождать дивизионных и корпусных переводчиков от необходимости полностью переводить даже оперативные документы. Совершенно достаточно, если офицер-разведчик доложит своему командованию содержание захваченного опера-

тивного документа. Полный перевод документов должен производиться в штабах армий и фронтов и то лишь в тех случаях, когда документы могут быть использованы в практической деятельности войск. Перевод уставов, наставлений, архивного материала и т. п. производится в центральных управлениях.

28 сентября 1943 г. разведчики Н-ского стрелкового полка захватили посылного, имевшего при себе приказ, который приведен ниже.

Штаб 121 пехотного полка

Командиру 3 батальона КП полка 28.9.43

1. 3 батальон, усиленный взводом легких пехотных орудий (2 орудия), немедленно выступает из района МТФ 300 м южнее Решечатый Крест (квадрат 5810). Взвод легких пехотных орудий тактически подчинен батальону.

2. Задача: выход на исходный рубеж для контратаки на участках 290 и 282 пп в направлении южного побережья между целями 59 и 36.

3. Произвести разведку путей сближения на указанных в п. 2 участках (также и для ночного времени). Командиру батальона лично установить контакт с командирами частей, расположенных на этих участках.

О сосредоточении батальона на исходном рубеже донести полку связным.

4. Связь от 121 пп к 3 батальону по радио.

5. 3 батальон доводит этот приказ до сведения 13 роты.

Подписал: Кассиер

Захваченный разведчиками пленный показал, что он послан командиром 3-го батальона к командиру 13-й роты с пакетом, содержание которого ему неизвестно. Пленный был немедленно доставлен в штаб полка, содержание пакета полностью переведено и доложено командиру Н-ского

стрелкового полка. Одновременно содержание захваченного приказа было сообщено средствами связи командованию дивизии. Подлинный приказ был переслан с нарочным в штаб дивизии, а оттуда вверх по инстанции.

В апреле 1944 г. во время прорыва нашими войсками Перекопского оборонительного рубежа была захвачена пачка приказов за 1943 г., относящихся к боевым действиям одной из немецких дивизий на Северном Кавказе. Казалось бы, что эти документы имеют только исторический интерес и должны быть отправлены в центральное управление. Однако военный переводчик дивизии, захватившей эти документы, проявил к ним ничем не объяснимый интерес и решил заняться их переводом. В результате после довольно долгой и кропотливой работы переводчик перевел все эти приказы, которые не имели практического значения. Надо иметь в виду, что дело происходило в период напряженных боев за освобождение Крыма, и у дивизионного переводчика, совершенно напрасно потерявшего драгоценное время, было много действительно срочной работы по допросу пленных.

В условиях военных действий среди захваченных у противника трофейных документов нередко попадаются тексты сводок радиоразведки.

Приведем типичную сводку радиоразведки противника.

Радиоразведсводка штаба Северной Группы Армий от 27.7.44 г.

Оперативный командный пункт 1-го Прибалтийского фронта переместился из района 15 км северо-западнее Утены в северо-западном направлении. В течение 26 июля отмечен еще один штаб, непосредственно подчиненный командованию фронта. Этот штаб установил радиосвязь со штабами 2-й гвардейской армии и 51-й армии. Не исключено, что этот штаб является штабом вновь прибывающей армии. Требуется дальнейшее уточнение. 3-й гв. механизированный корпус вместе со своим штабом находится в районе

30 км западнее Паневеж. Сильные передвижения 51-й армии и 2-й гв. армии еще не могут быть объяснены. Передвижения осуществляются с запада в северо-западном направлении. Возможно, что производится перегруппировка с целью нанесения решительного удара в западном направлении. Однако не исключено, что эти передвижения связаны с прибытием новой армии. В связи с прибытием соединенной 6 гв. армии значительно сузился фронт 43-й армии.

На 2-м Прибалтийском фронте полностью введен в действие 5-й танковый корпус. Этот корпус действует в районе Двинск и поддерживает 4-ю ударную армию. На фронте 3-й ударной армии оперативная танковая группа штаба фронта переместила свой командный пункт на правый фланг армии в район севернее Каунаса. Штаб группы донес по радио 26.7.44 об окончании перегруппировки сил и о том, что намеченные атаки не состоялись из-за отхода немецких войск.

На Ленинградском фронте, как это выяснилось еще в мае, в состав 8-й армии входят четыре стрелковых корпуса. Оба левофланговых корпуса насчитывали по две дивизии. Подтвердились действия 2-й ударной армии. В ее составе действуют четыре корпуса, в том числе 109-й стрелковый корпус, прибывший с Карельского перешейка. Возможно, что одним из ее четырех корпусов является также 7-й эстонский корпус. Танковые соединения, действующие в составе этой армии, еще не закончили своего сосредоточения. 201-я стрелковая дивизия, находившаяся в резерве советского Главнокомандования, снова отделилась на фронте 2-й ударной армии.

Во время войны 1941—1945 гг. наблюдались случаи повышенного интереса офицеров-разведчиков штабов дивизий и корпусов к захваченным у противника **журналам боевых действий**. В этих журналах обычно описывались ежедневные боевые действия частей и соединений противника. Чем крупнее штаб, в котором велся журнал, тем он был подробнее и тем шире охватывал боевые действия.

Что дают такие трофейные радиоразведсводки или журналы боевых действий для наших действующих частей или соединений? Нужно ли полковому, дивизионному и даже корпусному или армейскому офицеру-разведчику терять время на перевод подобных документов? Конечно, нет! Документы подобного типа представляют интерес только для Главного Командования, и дело офицера-разведчика — позаботиться только о том, чтобы подлинные документы были немедленно пересланы в вышестоящий штаб, который направит их далее по назначению.

При захвате значительного числа трофейных документов, имеющих интерес для действующих частей и соединений, аппарат начальника разведки армии составляет «Обзор трофейных документов». Он представляет собой сборник сокращенных переводов наиболее важных документов. Благодаря таким обзорам действующие соединения и части быстро и правильно информируются о состоянии войск противника. Составление обзоров не должно служить основанием для длительной задержки трофейных документов.

«Обзор трофейных документов» составляется примерно по приводимому образцу.

Секретно

(Рассылается до штаба стрелкового полка)

Обзор трофейных документов, захваченных войсками Н-ской армии 20.7.43 г. в районе Н.

1. Приказ командира 123-го гренадерского полка от 3.7.43 по вопросу усиления боевой подготовки подразделений полка. В приказе отмечаются падение дисциплины в стрелковых подразделениях и необученность вновь прибывшего пополнения.

В п. 4 приказа указывается на недостаточность ведения ротами и батальонами наблюдения за противником и на плохую организацию боевого охранения, что привело 1.7.43 к захвату русскими разведчиками двух немецких солдат.

2. Приказ командира 123 пп полковника Бирманн об улучшении работы штаба полка.

3. Копия рапорта полкового врача 123 пп 50 пд на имя командира полка о симуляции обер-ефрейтором Енеке психического расстройства с целью уклонения от несения воинской повинности.

4. Приказание командира 2/123 пп капитана Нике о недостаточном соблюдении солдатами 6-й роты правил маскировки во время налета русской авиации.

По получении трофейных документов офицер-разведчик Обязан ознакомиться с их содержанием и записать его в тетрадь учета трофейных документов (см. приложение 2).

Пересылка трофейных документов в вышестоящий штаб производится обычными средствами связи, если не имеется специальных указаний о пересылке нарочным.

На отсылаемые документы составляется опись, в которой указываются наименование документа и количество листов.

В тех случаях, когда документ переведен, текст перевода пересылается вместе с оригиналом. Если перевод сделан в выдержках, то на переводе ставится пометка «Сокращенный перевод».

На каждом документе делается карандашная пометка о дате и месте его захвата.

Место захвата документов офицер-разведчик обязан обозначить на своей рабочей карте с соответствующей пометкой.

СОСТАВЛЕНИЕ ОТЧЕТНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Составление отчетных документов неразрывно связано с работой офицера-разведчика по допросу пленных. В разных инстанциях эти документы будут различными по содержанию, число их тоже будет неодинаковым.

Протоколы допроса (первичного и полного) ведутся в повествовательной или в вопросно-ответной форме.

Вопросно-ответная форма наглядно отражает весь ход ведения допроса. Однако она может быть применена лишь в отдельных случаях — при допросе пленного в штабе армии или фронта, а в действующих частях и соединениях, как правило, рекомендована быть не может. Во-первых, она необычайно громоздка и требует слишком много времени на оформление протокола. Во-вторых, в боевых условиях протокол, изложенный в подобной форме, неудобочитаем и пользование им затруднительно.

Повествовательная форма с изложением материала по разделам хотя и не отражает хода допроса, но полностью оправдывает себя в условиях войны. Преимуществами ее являются: краткость, систематичность, удобочитаемость, наглядность и простота. Составление протокола в повествовательной форме не требует от офицера-разведчика излишней затраты времени.

Протокол должен быть кратким, сжатым по форме, четким по языку и терминологии. Не следует допускать в протоколе лишних слов и ненужных деталей; протокол должен передавать основную сущность показаний пленного.

Это не означает, что в протоколе недопустимо приводить отдельные характерные выражения допрашиваемого,

но цитирование разрешается лишь в тех случаях, когда приводимое подлинное выражение пленного ярко и отчетливо характеризует положение, представляющее интерес.

Неправильно думать, что размер протокола определяет его качество. Офицер-разведчик обязан помнить, что командование, которому он представляет протокол допроса, не располагает излишним временем и не должно быть загружено чтением словесной шелухи.

Ниже приводится пример протокола, который не дает командованию никаких полезных сведений, загромождает телеграф при передаче и в результате оказывается совершенно ненужным.

В штабе Н-ского соединения был допрошен пленный телефонист 472-го пехотного полка 252-й пехотной дивизии, захваченный 19 сентября 1944 г. в районе Зеленка. Этот пленный по своей гражданской профессии являлся киноартистом, что и привлекло к нему внимание офицера-разведчика. Офицер-разведчик представил своему командованию следующий протокол:

«В июле 1942 г. пленному по ходатайству известной немецкой кинофирмы «Уфа», где он работал до призыва, был предоставлен полуторамесячный отпуск для участия в съемках кинофильма «Экипаж самолета Дора», который фирма тогда готовила в Париже. Этот фильм о подвигах немецких летчиков на африканском театре так и не появился на экране.

Проживая летом 1942 г. в снятом фирмой «Уфа» номере фешенебельного парижского отеля, пленный имел возможность наблюдать широкий образ жизни в этом отеле военных интендантов и других немецких офицеров службы тыла, открыто спекулировавших награбленными во Франции винами, шелками и другими товарами. Чувствуя свою безнаказанность в этих спекулятивных махинациях, так как старшие начальники делали то же самое и их покрывали, эти офицеры говорили высокопарными патриотическими фразами о необходимости продолжения войны всеми средствами.

Возвратившись в августе 1942 г. в свою часть, пленный часто рассказывал солдатам о жизни этих военных чиновников-спекулянтов и за это был по доносу подвергнут судебному преследованию и осужден по законам военного времени по статье 5-й «Подрыв военной мощи страны». Лишь благодаря связям пленного в кинокругах и заступничеству некоторых военных смертная казнь была заменена 15 месяцами тюремного заключения; затем наказание было снижено до 6 недель строгого ареста с последующим направлением на фронт.

Отбыв арест в военной тюрьме Френ у Парижа, славившейся своим жестоким режимом, пленный стал изыскивать способы уклониться от поездки на фронт, так как считал, что дело Гитлера проиграно, и не хотел погибать за ненавистный фашистский режим, ведущий Германию к катастрофе.

Пленный утверждает, что ему разными путями удалось избежать посылки на фронт в течение 16 месяцев — с января 1943 г. по апрель 1944 г. Для этого он неоднократно прибегал к членовредительству — искусственный вызов грыжи, опухоль колена, — что давало ему возможность проводить много времени в госпиталях при попустительстве антифашистски настроенных врачей и сестер, великолепно понимавших его проделки, но скрывавших их и всячески затягивавших лечение. Постоянное отлынивание от фронта пленному, однако, не всегда удавалось, и он попадал за это в военные тюрьмы — Торгау (Саксония), военный концлагерь Наумбург на р. Заале.

Лишь в мае 1944 г. пленный прибыл в 252-й батальон связи 252 пд, откуда в начале июня был переведен в 8-ю роту 472 пп этой же дивизии, который в то время вновь восстанавливался в основном из возвратившихся в строй раненых и солдат, переведенных из тыловых подразделений в строевые.

Действуя в районе северо-западнее Витебска, дивизия в конце июня была разгромлена, остатки ее попали в окружение».

Что представляет собой подобный «протокол»? Что он дает командованию? Для чего офицер-разведчик Н-ского соединения совместно с военным переводчиком затратили какое-то количество времени для допроса пленного? Зачем этот протокол передали средствами проводной связи вышестоящему штабу, где на ознакомление с ним снова было затрачено время?

Прежде всего, надо сличить дату протокола и описываемые в нем события. Пленный допрошен в сентябре 1944 г., а сообщаемые им сведения относятся к 1942 г. Самые «свежие» сведения относятся к июню 1944 г., когда дивизия была разгромлена в районе северо-западнее Витебска.

Что происходило в период с июня по сентябрь 1944 г., из протокола установить нельзя. Очевидно, 472-й пехотный полк 252-й пехотной дивизии был восстановлен, но когда и в каком составе, каковы были его численность, вооружение, задача — все эти сведения, действительно представляющие ценность для командования, выпали из поля зрения офицера-разведчика, производившего допрос.

Что может усмотреть командование из сведений, сообщенных пленным и занесенных офицером-разведчиком в цитируемый протокол? Только то, что в 1942 г. фирма «Уфа» снимала в Париже кинофильм, который не появился на экране.

Можно с уверенностью сказать, что сведения о съемках кинофильма не представляют интереса ни для разведки, ни для командования.

Описание поведения интендантов в «фешенебельном отеле» — никому не нужные шаблонные, сведения, не дающие ничего нового, что позволило бы судить о состоянии немецкого тыла. Кроме того, двухлетний разрыв во времени между допросом пленного и его личными впечатлениями превращает сообщаемые им сведения в словесную шелуху.

Далее сообщается об уклонении пленного от поездки на фронт и нежелании «погибать за ненавистный фашистский режим». Здесь офицер-разведчик впал в ошибку и занес в

протокол сведения, не заслуживающие внимания. Прежде всего, можно усомниться в том, что в 1942 г., когда немцы одержали ряд временных успехов, пленный был уверен в том, что «дело Гитлера проиграно». Такое убеждение могло возникнуть только в результате ряда поражений немецкой армии, которые она начала терпеть после Сталинградской операции. Возможны случаи, когда немцы понимали неминуемость разгрома Германии и до 1943 г., но вряд ли к их числу можно отнести данного пленного. Такое убеждение могло быть у пленного, ранее принадлежавшего к антифашистским партиям и активно в них сотрудничавшего, но в данном случае мы имеем дело с обыкновенным дезертиром, который использовал все возможности, чтобы уклониться от отправки на фронт.

Что касается изложения материала, то стиль протокола не имеет ничего общего с нормальным военным документом и приводится нами в качестве примера, как не следует составлять протоколы допросов.

В протоколе должно быть сохранено лишь то, что может представить интерес для собственного командования, вышестоящего штаба, родов войск и для подчиненных частей и соединений. Форма изложения этих сведений должна быть сжатой и простой. Однако чрезмерно сокращать материал не следует, ибо это может нанести ущерб содержанию.

Офицер-разведчик составляет протокол допроса немедленно по окончании допроса и докладывает его по инстанции. Передача содержания протокола вышестоящему штабу производится либо путем пересылки протокола с нарочным (если на то имеются специальные указания), либо посредством почтовой связи через пункт сбора донесений. В штабах, где производится полный допрос (корпус — армия) и где позволяют средства связи, содержание протокола передается проводными средствами связи (телеграфом). Передача по телеграфу полного текста протокола не всегда возможна и не является необходимой. Целесообразно передавать по телеграфу только те разделы протокола, которые представля-

ют интерес для вышестоящего штаба. Остальной текст (например, личные данные о пленном, обстоятельства захвата в плен, сведения сугубо местного значения и пр.) может быть опущен.

Содержание первичного протокола (полк — дивизия) передается вышестоящему штабу по телефону.

Протокол допроса, как только составление его закончено и содержание доложено начальнику разведки, становится достоянием офицера-разведчика, ведающего информацией. Неправильно поступают те начальники следственных частей армий, которые берут на себя функции по информации войск, минуя начальника информационного направления.

Следственная часть обязана допросить пленного, составить отчетный документ (протокол) и по утверждению его начальником разведки армии немедленно передать начальнику информационного направления.

Рассылка протоколов производится в соответствии с существующими на этот счет указаниями. Один экземпляр протокола хранится у начальника разведки, в «Деле протоколов допроса пленных».

ОБЗОР ПОКАЗАНИЙ ПЛЕННЫХ

В период активных действий наших войск, когда число плененных велико и офицеры-разведчики не в состоянии составлять полные протоколы на всех допрошенных плененных, можно ограничиться составлением «Обзора важнейших показаний плененных за истекшие сутки». В этот обзор, являющийся дополнением к разведывательной сводке, включаются наиболее важные показания за период между двумя сводками. Иногда такой обзор составляется чаще, чем раз в сутки. Это зависит от количества допрошенных плененных и от характера боевых действий. Передача подобных обзоров разгружает разведывательную сводку от излишнего материала; вместе с тем вышестоящий штаб, соседи и подчиненные войска получают развернутую информацию о деятельности противника.

Обзор показаний составляется примерно по следующему образцу.

ОБЗОР ПОКАЗАНИЙ ПЛЕННЫХ, ЗАХВАЧЕННЫХ ВОЙСКАМИ Н-СКОЙ АРМИИ

к 8.00 13.3.45

Карта 50 000

1. Пленные 399 пп 170 пд ефрейтор Карл Шульц (1-я рота), унтер-офицер Гергард Бехер (2-я рота), обер-ефрейтор Алоиз Грюн (3-я рота), унтер-офицер Адольф Лак (4-я рота), солдат Карл Леман (5-я рота), ефрейтор Фриц Лабе (8-я рота), обер-ефрейтор Альфред Герман (13-я рота), захва-

ченные северо-западнее г. дв. Оттен, показали: 399 пп 170 пд двухбатальонного состава. На 13.3.45 роты насчитывали: 1, 2, 3-я стрелковые роты по 25—30 человек боевого состава, по 3—4 ручных пулемета, по 1 ПТР Офенрор, по 3—4 фаустгранаты; 5, 6, 7-я стрелковые роты — по 20 человек боевого состава, по 2—3 ручных пулемета, по 3—4 фаустгранаты; 4 и 8-я роты — по 50—60 человек боевого состава, по 5—6 станковых пулеметов, по 4 миномета калибр 81 мм. 13-я рота пехотных орудий насчитывала до 65 человек боевого состава, 4 пехотных орудия калибра 75 мм; 14-я рота ПТО — до 40 человек боевого состава и 2 орудия ПТО калибра 75 мм; штабная рота — до 30 человек и 2 ручных пулемета. Общая численность полка была до 450 человек. Полк имел задачу упорно оборонять занимаемые позиции в районе северо-западнее г. дв. Оттен. Южнее расположен 401 пп 170 пд, севернее — фузилерный батальон 170 пд. Предпринятое русскими войсками 12.3.45 наступление было неожиданным. В результате русской артподготовки полк потерял не менее 30% личного состава ранеными и убитыми.

Наибольший урон причинил огонь русских тяжелых минометов. В результате прорыва русских на участке обороны 2/399 пп батальон вынужден был отойти и занять вторую траншею в районе безымянной высоты (1 км северо-западнее г. дв. Оттен). Полк поддерживают две батареи 240 ан и три самоходных орудия из ПТД 170 пд. За последние дни полк получил до 250 человек пополнения из солдат тыловых служб, имеющих недостаточную огневую подготовку. Некоторое количество солдат из числа этого пополнения прибыло морским путем из Германии. Унтер-офицер Адольф Лак прибыл 6.3.45 из Штеттина в Хайлигенбайль на пароходе «Обербюргермайстер Хакен». На борту парохода находилось до 1 000 человек из числа выздоравливающих после ранений и призванных из промышленности района Дессау. Пленный слышал, что 10.3.45 в Хайлигенбайль прибыло до пяти транспортов с пополнением и боеприпасами для войск, окруженных юго-западнее Кенигсберг.

2. Пленные 401 пп 170 пд, принадлежавшие к 1, 2, 5, 8, 14-й ротам и захваченные 13.3.45 западнее и юго-западнее г. дв. Оттен, показали: стрелковые роты насчитывают в среднем по 20—25 человек боевого состава, по 3 ручных пулемета, 2—3 фаустгрнаты; 4 и 8-я роты — по 45 человек, по 2 станковых пулемета и по 4 миномета калибра 81 мм. Боеприпасов к минометам не имеется. 13-я рота насчитывает 50 человек, три пехотных орудия калибра 75 мм, 14-я рота — до 90 человек и семь противотанковых орудий калибра 75 мм. Общая численность боевого состава полка — до 350 человек. В результате стремительного наступления русских полк понес тяжелые потери и начал беспорядочный отход в северо-западном направлении. По неуточненным сведениям, командир полка подполковник Мерц убит. Вследствие измотанности личного состава полка боеспособность его невысока. 10.3.45 полк получил пополнение в количестве до 100 человек, прибывших пароходом из Штеттина.

3. Пленный артиллерийский наблюдатель 2/240 ап 170 пд унтер-офицер Гейнц Румм, захваченный 13.3.45 в районе 1,5 км западнее г. дв. Оттен, показал: 2/240 ап поддерживает 401 пп. Огневые позиции 4-й батареи — кустарник 0,5 км восточное Риттерхоф, 5-й батареи — отдельные домики 700 м северо-восточнее Риттерхоф, 6-й батареи — южная окраина Риттерхоф. Командный пункт командира дивизиона — в блиндажах на западных скатах выс. 186,3.

1/240 ап поддерживает 547 пп 170 пд, 3/240 ап поддерживает 399 пп 170 пд. 4-й дивизион распределен по всей дивизионной полосе.

Позывные (действительны по 15.3.45) для радиосвязи:

КП 240 ап — «Берта», НП 2/240 ап — «Шарлотта», 4-я батарея — «Тышлер», 5-я батарея — «Заттлер», 6-я батарея — «Шустер».

В районе Кирп (1,5 км западнее Риттерхоф) подготовлены запасные огневые позиции для 2/240 ап.

4. Пленный телефонист наблюдательного пункта 2/62 ап РГК, захваченный 13.3.45 г. в районе 0,8 км южнее Митен,

показал: 2/62 ап РГК с 5.3.45 придан 240 ап 170 пд. Местонахождения остальных дивизионов пленный не знает. Дивизион состоит из 4, 5, 6-й и штабной батарей, 4 и 5-я батареи насчитывают каждая по 90—100 человек боевого состава, по 4 орудия калибра 105 мм, 6-я батарея — до 80 человек и 4 орудия калибра 150 мм, огневые позиции:

4-й батареи — 800 м северо-восточнее Мариенхоф, 5-й батареи — в районе двух отдельно стоящих деревьев (600 м юго-восточнее Мариенхоф), 6-й батареи — 1,5 км западнее Мариенхоф. Пленный слышал от офицера на наблюдательном пункте, что в случае вынужденного отхода дивизион займет подготовленные огневые позиции в районе роши 3,5 км западнее Мариенхоф. Артиллерийский и минометный огонь русских утром 13.3.45 был необычайно точным и эффективным. Наблюдательный пункт, на котором находился пленный, был обстрелян русской артиллерией; двое наблюдателей были убиты. Позывные командного пункта.

240 ап — «Эльфрида», командного пункта 2/62 ап РГК — «Гертруда», 4-й батареи — «Циммерман», 5-й батареи — «Малер», 6-й батареи — «Дреер». Положение с боеприпасами в последние дни улучшилось в связи с прибытием транспортных пароходов из Штеттина. Ощущается недостаток в снарядах калибра 150 мм.

5. Пленные 1 и 4-й рот 547 пп 170 пд, захваченные 12.3.45 в районе выс. 124,6, показали: штаб 170 пд расположен в Ланк. В северной части леса Реппервальд находится крупный склад инженерного имущества и взрывчатых веществ. В западном углу леса большое скопление автомашин 170 пд.

6. Пленные 1, 2 и 3-й рот 234 пп 56 пд, захваченные 13.3.45 в районе Бартланген, показали: полк понес тяжелые потери. 2-я рота полностью захвачена в плен. Командир 1/234 пп капитан Нольце тяжело ранен. Полк в беспорядке отходит в направлении Халле.

Некоторые из пленных, до 5.3.45 служившие в автотранспортной колонне группы войск генерал-майора Вел-

лер, показали: в лесу 2 км восточнее Грюнхехен имеется крупный склад горючего и смазочных масел. К лесу подведена железнодорожная ветка. 4.3.45 в лес прибыло несколько десятков цистерн с горючим, предназначавшимся для нового танкового соединения, которое должно было прибыть из района Браунсберг. Цистерны и склады тщательно замаскированы. В дневное время подъезд автомашин к лесу воспрещен. Один из пленных 5.3.45 возил артиллерийские снаряды на склад боеприпасов, расположенный в южной оконечности роши 2 км западнее Фрейденталь. Там же, в западной оконечности роши, находится склад мин к десятиствольным минометам.

7. Пленные 3-й роты боевой группы «Вольф», захваченные 13.3.45 в районе вые. 127,0, показали: ранее они принадлежали к 500-му штурмовому саперному батальону боевой группы полковника Хаузер. 8.3.45 боевая группа «Хаузер» расформирована и личный состав ее использован для пополнения боевой группы «Вольф», подчиненной 56 пд. Пленные слышали от командира 3-й роты лейтенанта Бромберг, что в Фрейденталь продолжается формирование группы «Вольф».

Составление обзоров производится только начальниками разведки армий, реже начальниками разведки корпусов, располагающими возможностями для допроса значительных групп пленнных. В полках и дивизиях подобные обзоры не составляются.

Составление обзоров в период наступательных боев не освобождает офицера-разведчика от обязанности полностью протоколировать наиболее важные показания отдельных пленных. Как правило, протоколы допроса офицерского состава составляются независимо от включения их показаний в обзор.

УЧЁТНАЯ КАРТОЧКА

Если фронт в течение долгого времени находится в стабильном состоянии и захват пленных производится систематически, а противник действует на данном участке в одном и том же составе, накапливается много протоколов, разбираться в которых офицеру-разведчику крайне неудобно.

В таких случаях можно рекомендовать простейший способ учета основных сведений о противнике, вполне оправдавший себя в практике работы разведывательного отдела Н-ской гвардейской армии.

Для учета этих сведений была введена «Карточка учета подразделений, частей и соединений противника». Такие карточки велись разведчиками в полку, дивизии, корпусе и армии. Карточки были одинаковы по типу, менялось только их количество, в зависимости от числа противостоящих подразделений, частей и соединений противника.

Например, перед Н-ским стрелковым гвардейским полком действуют 2 и 3-й батальоны 45 пп 21 пд и 1-й батальон 123 пп 50 пд. Показаниями пленных установлено, что батальоны 45 пп 21 пд имеют в своем составе по три стрелковых и по одной пулеметной роте, а 1-й батальон 123 пп 50 пд действует в составе двух стрелковых и одной пулеметной рот. Таким образом, всего перед Н-ским гвардейским стрелковым полком действует 11 подразделений, подлежащих учету.

Офицер-разведчик заносит каждую роту на отдельную карточку, имеющую следующую форму:

Командир _____ Полевая почта _____
 Адьютант _____

(№ подразделения, части, соединения)

Командиры: _____ Состав роты _____

1. _____ Дата, количество _____
 2. _____ Участок (район) обороны _____
 3. _____
 4. _____ Потери (дата, количество) _____
 5. _____ Разные данные _____

Стандартные карточки, отпечатанные в типографии, рассылались частям и соединениям в достаточном количестве.

При допросе каждого пленного показания о боевом и численном составе, изменениях в составе командования, перемене номера полевой почты или других изменениях заносятся в соответствующие графы карточки с указанием даты происшедшего изменения. Постепенно у офицера-разведчика накапливались сведения о противнике, и он в любую минуту мог доложить своему командованию данные о каждой противостоящей части (подразделении) с указанием даты и источника получения сведений, а также ответить на подобные вопросы вышестоящего штаба.

Начальник разведки дивизии вел такой же учет, так как командование и штаб дивизии должны знать состав противостоящей части противника во всех деталях, до роты включительно.

В аппаратах начальников разведки корпусов и армий учетная карточка составлялась на каждый батальон. Ротный учет не велся, так как он не имея решающего значения.

Сведения, заносившиеся в карточки, являлись исходным материалом при составлении «Ведомости учета боевых сил противника», «Ведомости выявленных номеров полевых почт противника», «Списка офицерского состава противника» и прочих отчетных документов.

В некоторых случаях полученные сведения не будут совпадать. Захваченные одновременно или через небольшой промежуток времени пленные из одной роты могут показать, что численность их роты 82 и 86 человек. Какая же из этих цифр будет наиболее точной, какую из них следует заносить в карточку? На этот вопрос можно дать только один ответ: не играет решающей роли, составляет ли численность роты, 86 или 82 человека. Такая точность практически не нужна. Численный состав рот можно округлить до полного десятка; в указанном случае численность роты следует поставить 90 человек. Такое же округление до полной сотни

Дата показания, № протокола	Оружие										Боевые и вспомогательные машины			примечание							
	лод	винтовки	автоматы	ручные пулемёты	81-мм миномёты	120-мм миномёты	ПТР	орудия ЗА	орудия ПТО	75-мм пехотные орудия	150-мм пехотные орудия	105-мм орудия ДА	150-мм орудия ДА		танки	бронетранспортеры	бронемшины	самоходно-артиллерийские установки	мотоциклы		

вполне допустимо при определении численного состава полка или батальона.

Возможны случаи, когда захваченные одновременно или через небольшой промежуток времени пленные покажут численность одного и того же подразделения со значительной разницей. Тогда офицер-разведчик обязан тщательно проверить причины разногласий в показаниях. Если подразделение получило пополнение, то задача офицера-разведчика тщательно выяснить, когда, в каком количестве и откуда пополнение прибыло и какой номер оно имело. Очень важно установить, прибыло ли пополнение только в данное подразделение или оно поступило для всей части.

Если пополнение не поступало, то разногласия могут объясняться сознательной или бессознательной ложью пленных. Офицер-разведчик должен использовать весь свой опыт и умение для выяснения истинных причин этого вида дезинформации. При проверке сомнительных сведений, касающихся мелких подразделений, вполне оправдал себя следующий способ: пленному отдавалось приказание перечислить в письменной форме весь состав его отделения и взвода по фамильно. Через определенный промежуток времени его снова заставляли проделать ту же работу. Если пленный дает заведомо ложные показания, то он, как правило, не сможет несколько раз безошибочно написать одни и те же фамилии. Такое частное определение может помочь офицеру-разведчику составить суждение относительно правильности прочих показаний пленного.

При выявлении вооружения показания пленных могут не совпадать между собой. Это касается не стрелкового вооружения, количество которого выявляется легко и довольно точно, а тяжелых пулеметов и минометов. Однако, постепенно накапливая материал и сличая полученные сведения с результатами разведки наблюдением, можно получить правдивую картину.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕТРАДЬ УЧЁТА ПЛЕННЫХ

Звание _____

№ п/п	Фамилия, имя	Дата вzięтия в плен	Откуда прибыл	Национальность	Подразделение, часть, соединение	Отправка		Дата допроса и номер протокола	Примечание
						дата	куда		

Примечание. Страницы тетради нумеруются, прошнуровываются и печатаются сургучной печатью.

ТЕТРАДЬ УЧЁТА ТРОФЕЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ

(ведётся в штабах всех степеней)

№ п/п	Дата поступления и откуда	Место и дата захвата	Наименование документа	Куда направлен	Примечание

Примечание. Страницы тетради нумеруются, прошнуровываются и печатаются сургучной печатью.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
Допрошивающий
Отбор пленных
Обыск пленного
Обстановка допроса
Допрос
Первичный и полный допрос
Общие сведения о пленном
Появление новой части
Организация, состав и вооружение
Расположение и характер оборонительных сооружений
Пополнение и потери
Политико-моральное состояние
Разбор трофейных документов
Составление отчетных документов
Обзор показаний пленных
Учётная карточка

Приложения

1. Тетрадь учёта пленных
2. тетрадь учёта трофейных документов